

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
РУБЛЕВЫЙ
ПЕРЕДОЗ

Полковник Гуров

Николай Леонов
Рублевый передоз

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Рублевый передоз / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2017 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-96956-2

В столице новоявленные наркоторговцы с кровавым усердием делят рынок сбыта. Рушится сложившаяся преступная система, один за другим гибнут криминальные авторитеты. Расследование серии громких убийств поручено полковнику МУРа Льву Гурову. Сыщику удастся выйти на главаря теневого концерна по кличке Блеклый. Но взять изворотливого бандита не так-то просто. Чувя опасность, он наносит оперативникам ответный удар, в результате которого Гуров сам оказывается в смертельной ловушке. Спасти положение может только чудо или тот, кому пришло время снять с себя маску...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96956-2

© Леонов Н. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Рублевый передоз	5
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Николай Леонов, Алексей Макеев

Рублевый передоз

Рублевый передоз

Дождавшись, когда схлынет основная толпа, Гуров отлепился от турникетов и шагнул на ступеньку эскалатора. Мужчина в длиннополном черном плаще и такой же черной шляпе, глубоко надвинутой на глаза, появился практически из ниоткуда. Он встал за спиной Гурова, но полковник даже не обернулся. Лестница медленно понесла их обоих вниз.

– Опаздываешь, господин сыщик, – глухо обронил мужчина в черном. – А отсутствие пунктуальности – плохое качество. Иногда оно может стоить и жизни. Подумай на досуге.

– Хватит трепаться, – ответил Гуров, все так же не поворачивая головы. – Переходи к делу.

– Его кличка Блеклый. Он прибыл в столицу откуда-то с юга.

– Весьма расплывчато.

– Более точной информации у меня нет. Если появится, непременно дам знать...

– Кавказец? – уточнил полковник.

– Тоже без понятия. – Мужчина коротко оглянулся через плечо. На эскалатор ступили парень и девушка, но они были достаточно далеко, чтобы расслышать их разговор. – Насколько я понял, Блеклый – человек крайне осторожный. И продуманный. В лицо его знает пара-тройка доверенных людей, не больше... «Мет» он варит сам и сам же руководит процессом сбыта. Через посредников, конечно, но все принимаемые решения – это исключительно его решения. Он уже успел запустить свои щупальца и во властные, и в силовые структуры...

– То есть пытается обезопасить себя со всех сторон?

– Именно.

– Стрельба на Кантемировской – его рук дело?

– Да. Приказ исходил от Блеклого. Он пытается потеснить с рынка торговцев кокаином и спайсом. И потеснить активно. Радикальных методов воздействия гнушаться не будет... Схема простая: отстрел мелких «бегунков» и их групп прикрытия. Затем выдвигается ультиматум дилерам: или их ждет та же участь, или они работают с товаром Блеклого. Нетрудно догадаться, какой путь они выбирают. В большинстве случаев...

– Трупы в Новых Черемушках?

– Это тоже Блеклый, – коротко кивнул мужчина в черном.

– Кто конкретно осуществлял ликвидацию? – спросил Гуров.

Оба мужчины уже преодолели половину пути скользящего вниз эскалатора.

– Мне известно о двух группах – группа Шершня и группа Власа. В каждой человека по три-четыре. Полагаю, есть и другие группы...

– Насколько продуктивно накрыть одну из них?

Человек в черном поправил шляпу и высоко поднял воротник плаща.

– Абсолютно непродуктивно, господин сыщик. Они никого толком не знают, и на Блеклого через них не выйти.

– Но кому-то они подчиняются?

– Человеку по кличке Марафонец. В миру его, кажется, зовут Виктор. Больше мне о нем ничего не известно. И сам он, скорее всего, лично с Блеклым незнаком. Опять же через посредников... В случае если одна из его групп провалится, Марафонца просто ликвидируют, и концы в воду... Короче, тухлый вариант.

Впервые за все время их разговора Гуров слегка повернул голову.

– Я не понял, о чем мы вообще тогда сейчас говорим? – нахмурившись, недовольно буркнул он. – Зачем эта встреча? Ты пришел сказать, насколько все тупиково и бесперспективно?

– Не заводись, сыскарь! – Губы мужчины разъехались в улыбке. – Если б мне нечего было сказать, я бы не пришел. Стал бы я по пустякам транжирить время такого занятого человека, как ты... Короче, слушай и запоминай. На Кантемировской до недавнего месилова всем заправляли абхазы. Толкали там спайс и более дешевый «кумар»...

– Это мне известно, – нетерпеливо перебил собеседника Гуров.

– Блеклый сломал их. Абхазцы согласились прикрыть свою лавочку и работать под его руководством. Кто у них там за главного, я не знаю, но послезавтра в полдень состоится передача крупной партии «мета». Будут абхазские дилеры и будут поставщики от Блеклого. На углу Каширской и Большой Верхней заброшенная стройка, за ней – пустырь. На нем и свершится сделка. От Блеклого будут две машины прикрытия, может быть, три. Кто именно – не в курсе. Информация пока держится в секрете. Понятное дело, что со стороны абхазцев стрелки тоже будут, но не думаю, что особо много. Договоренность-то уже достигнута, пальба не планируется. Прикрытие – просто формальность.

– Можно брать всех?

– Да ради бога! Не мне тебя учить, сыщик! Но главное – не упустите поставщика Блеклого. Он – самая важная фигура в этой сделке, и через него можно потянуть за нужную ниточку. Там не все так хитро устроено, как в структуре боевиков... Одним словом, появятся шансы.

Эскалатор кончился. Гуров первым сошел со ступеней. Мужчина в черном следом за ним.

– Ручаться не будем. Удачи, полковник Гуров!

Он двинулся влево, а сыщик, постояв на месте секунд тридцать, направился в противоположную сторону.

Шершень докурил сигарету, чуть приспустил боковое стекло и швырнул окурочек на мокрый асфальт. Легкий морозящий дождик отстукивал незамысловатый ритм на лобовом стекле «Ниссана». В салоне негромко играла музыка.

– Кол, сколько времени? – спросил он.

Сидящий за рулем мужчина в красной куртке с поперечными оранжевыми полосами и бейсболке «Найк» коротко бросил взгляд на часы и ответил:

– Половина девятого.

– Что-то они сегодня запаздывают. – Шершень откинулся на спинку сиденья. – Обычно в восемь или, на крайняк, в начале девятого как минимум один «бегунок» уже на точке, а то и двое.

Здоровенный детина, сидевший за спиной Шершня, промычал что-то нечленораздельное, затолкав в огромную пасть добрую половину хот-дога.

– Чего? – бросив взгляд в зеркало заднего вида, поморщился Шершень.

Проглотив все то, что было у него во рту, и старательно облизав пальцы, здоровяк произнес:

– Я говорю, может, они не придут сегодня. – Голос его звучал глухо и надтреснуто, за что подельники и окрестили здоровяка Трубой. – Ну, типа, дождик... хреновая торговля...

– Они придут, – решительно парировал Шершень.

Словно в подтверждение его слов из-за поворота на крейсерской скорости вырулил спортивный мотоцикл, лихо въехал на тротуар и остановился в тенистой аллее рядом с корявой березкой. Худощавый парнишка слез с мотоцикла, снял шлем и, повесив его на руль, коротко огляделся. Его жесткие соломенные волосы торчали в разные стороны.

– Че-то молокосос какой-то... Не лажа ли? – недоверчиво прищурился Кол.

– Нет, не лажа. – Шершень расстегнул куртку и вытащил из-за пояса черный «глок». Неторопливо накрутил на дуло глушитель. – Это ж «бегунок»... Туда одни молокососы и идут...

Труба доел хот-дог и, вытерев руки о джинсы, достал оружие. Но Шершень не давал команду выходить из салона. Он выжидал. Со скамейки поднялись два тощих паренька и сблизились с мотоциклистом. Их общение было недолгим. Буквально пара дежурных фраз, а затем передача денег. Мотоциклист расправил смятые купюры, старательно пересчитал их и только после этого отдал товар. Довольные наркоманы быстрым шагом устремились в противоположный конец аллеи. «Бегунок» взмахнул рукой. В ответ одна из припаркованных на углу Саперной и Ульяновской машин моргнула фарами. Темно-вишневый «Опель».

– А вот и наши клиенты, – хмыкнул Шершень и плавно передернул затвор пистолета. – Стартуй, Кол! Встань между ними и «бегунком». Если что, мотоциклист на тебе. Он нам нужен живым. Остальных валим наглушняк. Без всяких базаров.

– Может,ждемся Власа и его ребят? – решил проявить осторожность Кол, но двигатель «Ниссана» все-таки запустил.

– На хрена? Нас трое. Их тоже трое или четверо. С «бегунком» максимум пятеро. Справимся. Погнали!

Кол не стал больше препираться. «Ниссан» резво сорвался с места, обогнул по дуге край аллеи и жестко ударил по тормозам перед «Опелем». Шершень первым выскочил из салона. Его «глок» дважды хлопнул, пробивая передние обода неприятельского автомобиля. Труба распахнул заднюю дверцу и прицельно выстрелил в сидящего за рулем «Опеля» человека. Кровь брызнула на пробитое пулей лобовое стекло. Водитель ткнулся лбом в приборную панель. Он даже не успел среагировать на происходящее. Зато двое его подельников оказались гораздо проворнее. Один из них, кавказец с косматой неровной бородой, плашмя вывалился на асфальт и из положения лежа пальнул от бедра. Пуля просвистела рядом с ухом Шершню. Тот выстрелил в ответ, но кавказец успел откатиться назад. Из салона выскочил еще один противник с оружием на изготовку. На нем были черная байкерская «косуха» и бандана, украшенная светящимися в полумраке черепами. Пистолет трижды дернулся в его правой руке, изрыгая смертоносное пламя. Одна из пуль чиркнула по заднему крылу «Ниссана».

– Труба, пригнись! – гаркнул Шершень, сместил дуло «глока» влево и быстро спустил курок.

Человек в бандане качнулся одновременно с приглушенным хлопком. На черной «косухе» в области сердца распустилась багровая роза. Пистолет брякнулся на асфальт, и мужчина схватился за грудь, прикрывая широкой ладонью рану. Волосатые пальцы, торчащие из обрезанных перчаток, окрасились кровью. Второй рукой он попытался ухватиться за раскрытую дверцу «Опеля», но сумел поймать только пустоту. Тело рухнуло лицом вниз и осталось лежать без движений.

Шершень шагнул вперед, удерживая «глок» перед собой. Кавказец, воспользовавшись предоставленной ему форой, укрылся за корпусом автомобиля. Сдаваться без боя он явно не собирался.

– Труба, жив? – не оборачиваясь, бросил Шершень, делая еще один осторожный шаг.

– Жив. Даже не зацепило. Все пучком.

– Заходи справа. Прикрой меня.

«Бегунок», поначалу растерявшись, метнулся к своему мотоциклу, однако вскочить на «стального коня» так и не успел. Кол моментально взял парнишку на мушку. Тусклый лунный свет выхватил из полумрака надпись «Найк» на бейсболке.

– А ну, на землю, сучонок! – приказал он. – Без глупостей! Любое неверное движение, и я вышибу тебе мозги!

– Вы че, легавые? Я ничего не делал... Я ни при чем...

– На землю! Ложись, я сказал! Начать считать до трех?

– Не... Не надо... Я все понял...

Осознав, что все происходящее никак не похоже на шутку, «бегунок» послушно растянулся на мокрой траве и для верности даже сложил руки на затылке. Его пальцы нервно подрагивали. Поднимать глаза на подошедшего к нему вооруженного мужчину он побоялся. Кол поставил ногу в высоком шнурованном ботинке на спину парнишке и оглянулся.

Шершень и Труба с двух сторон приближались к «Опелю». Бородатый кавказец поджидал их в засаде. Шершню казалось, что он даже слышит его тяжелое напряженное дыхание. С момента начала перестрелки прошло не более полутора минут, но им следовало поторопиться. Выстрелы наверняка кто-то слышал и, естественно, поспешил вызвать ментов...

Он жестом подал знак подельнику. Труба кивнул, прицелился в заднее колесо «Опеля» и выстрелил. Кавказец не мог не среагировать на этот отвлекающий маневр. Шершень рванул вперед, приземлился на левое колено, немного проехался по мокрому асфальту и в следующую секунду увидел направленное ему в лицо дуло пистолета. Кавказец оказался гораздо искушеннее в перестрелках, чем можно было предположить. Вспышка выстрела ослепила Шершню, но за считаное мгновение до этого он растянулся на асфальте, уходя с линии огня, и послал пулю в ответ. Рассчитывал сразить кавказца в голову, но промахнулся и угодил в плечо. С его губ сорвалось хлесткое матерное словцо. Он понял, что выстрелить вторично уже не успеет. И тут дважды хлопнул пистолет Трубы. Тело кавказца мгновенно обмякло.

– Все пучком, брат! – Труба растянул губы в улыбке и опустил пистолет. – Труба всегда в теме. И всегда готов прикрыть товарища в нужный момент.

– Я рад, – проговорил Шершень, поднимаясь на ноги. – Спасибо.

Он быстро осмотрел салон «Опеля». Водитель неподвижно висел на рулевом колесе, истекая кровью. Других пассажиров в автомобиле не было.

– Кол, тащи «бегунка» в машину! На заднее сиденье. Я сяду с ним. Труба, ты вперед! Живо! Живо! Обрываемся!

Схватив парнишку за воротник кожаной куртки, Кол рывком поднял его на ноги. Дуло пистолета ткнулось между выпирающих лопаток.

– Слыхал? Топай к машине!

«Бегунок» вновь беспрекословно подчинился. Нелепо перебирая длинными ногами и непрерывно облизывая пересохшие на нервной почве губы, он добрал до «Ниссана», после чего Кол достаточно грубо и беспардонно затолкал парнишку на заднее сиденье. Того трясло от страха. По лицу струился пот, отчего волосы на лбу слиплись, и прическа стала еще более нелепой. Шершень расположился рядом. Дуло его «глока» с навинченным глушителем ткнулось «бегунку» под ребра, и парень вздрогнул, как от разряда электрического тока. В отдалении послышался звук полицейской сирены. Кол запустил двигатель, развернулся на проезжей части, и «Ниссан» стремительно помчался прочь.

– Оружие есть? – Черные глаза Шершню буравили парню переносицу.

Тот отрицательно замотал головой.

– Даже холодного?

– Никакого нет... Кто вы такие? Менты? Если не менты, то... Может, мы как-то договоримся, мужики? Денег у меня, правда, с собой немного... Не наторговал еще. Но могу отдать вам всю «траву»... Только не надо меня убивать. Я ведь...

– Погоняло есть? – оборвал его лепет Шершень.

Он свинтил со ствола глушитель, сунул его в карман куртки, а «глок» убрал обратно за пояс. Труба, не зажигая света в салоне, копошился в бардачке. Кол цепко поглядывал в зеркало заднего вида.

– Нету. Меня Валера зовут...

– Так вот, слушай меня внимательно, Валера, – с нажимом в голосе произнес Шершень. – Убивать мы тебя не будем. Нам это ни к чему. Более того... Как ты торговал на своей точке, так и будешь торговать. Только нашим товаром, и при условии, что мы с твоим боссом добазаримся. На кого работаешь, Валера?

– На Зубра. Во всяком случае, товар мне он дает... И деньги я тоже ему сдаю. За вычетом своего процента, конечно... И парни эти... Ну, которых вы «замочили»... Они тоже от Зубра были.

– Понятно. Насколько нам известно, территория, на которой ты трудишься, – это территория Богдана. Зубр – человек Богдана? Или ты не в курсах?

– Почему же? В курсах. – Валера заметно успокоился. – И про Богдана, конечно, слышал. Но лично не встречался. Ни разу. Богдан – большой человек. Бизнесмен... Зубр под ним. Да... У Богдана таких, как Зубр, человек десять, а то и больше...

– Где сейчас Зубр? Знаешь?

Валера заколебался. Подставлять свою шею под серьезные разборки ему явно не хотелось. Но Шершень ждал ответа и отступать не собирался. Труба наконец выудил из бардачка небольшую упаковку чипсов «Лейс», вскрыл ее, отправил в рот целую пригоршню и громко захрустел. Пистолет покоился слева от него, рядом с коробкой передач.

– Ты – свинья, Труба, – презрительно поморщившись, констатировал Кол. – Ты это знаешь?

– Конечно, – с легкостью откликнулся тот своим глухим надтреснутым голосом. – Труба про себя все знает. И то, что он – свинья, в том числе.

– И завязывай все время говорить о себе в третьем лице. Это бесит.

– Расслабься, Кол, все пучком! – Очередная порция «Лейс» скрылась в широко распахнутом рту. – Хочешь чипсов? Труба поделится. Не жалко.

Ответа не последовало. С каждой секундой «Ниссан» все больше и больше наращивал скорость, удаляясь от места недавней перестрелки. Слух уже не улавливал звуков полицейской сирены.

– Я задал вопрос, Валера, – напомнил Шершень. – Чего морозишься-то?

– Вы хотите, чтобы я «слил» Зубра?

– Хочу.

– Но... – Парень осторожно поднял руку и промокнул вспотевший лоб тыльной стороной ладони. На уровне переносицы осталась грязная полоса. – Я не могу... Вы ведь должны понимать, что за такое мне ноги выдернут. И это еще в лучшем случае...

– Послушай, братишка, – почти дружески обнял его за плечи Шершень. – Я скажу тебе три вещи, а ты постарайся с ходу запомнить их, чтобы мне не пришлось повторять дважды. Лады? Во-первых, ты только прокатайся с нами до Зубра, покажешь, где его берлога, и спокойно свалишь. Дальше мы уже как-нибудь без тебя разберемся. Во-вторых, после того как мы потолкуем с твоим дилером, у него появится столько головной боли, что ему реально будет не до тебя... И, наконец, в-третьих. – Шершень выдержал небольшую театральную паузу. Пальцы сдавили плечо «бегунка». – Думаю, у тебя нет другого выбора, пацан. Мы его тебе не оставили. Сечешь? Так что заканчивай ломаться, как телка на первом свидании, и диктуй адрес Зубра.

– Вы... Вы его убьете? – От волнения Валера начал заикаться.

– Нет. Ну, что ты? – широко улыбнулся Шершень. – За кого ты нас принимаешь? Мы же не звери какие-нибудь. Просто грамотно разьясим ему что почем и почему ему стоит разорвать свои былые отношения с Богданом. Диктуй, Валера, диктуй!

«Ниссан» сбросил скорость, свернул в темный арочный проем и остановился. Кол выбрался из салона. В его руке вспыхнул компактный фонарик. Он осветил на то место, в

которое угодила пуля, сокрушенно покачал головой. Труба высыпал из пакетика в рот остатки чипсов.

– Хорошо, – тяжело вздохнул Валера. – Запишите?

– Запомню. У меня отменная память, братишка.

– Все готово, товарищ полковник. – Алябьев склонился к открытому окну автомобиля. Полосатый твидовый пиджак капитана был расстегнут. Из наплечной кобуры угрожающе торчала мощная рифленая рукоятка табельного оружия. – Территория оцеплена, все возможные отходы блокированы. Мы можем начинать в любой момент. Ждем только вашего приказа.

– Сколько там человек, Рома?

– Человек шестнадцать-семнадцать. По две машины с каждой стороны.

Полковник коротко кивнул и выбрался из салона. Из двух стоящих рядом автомобилей синхронно шагнули на пыльный асфальт двое мужчин. Один из них, высокий плечистый блондин в камуфляже и пуленепробиваемом жилете, первым подошел к Гурову. Щуря левый глаз, он монотонно попыхивал зажатой в зубах толстой сигарой. Лицо блондина было совершенно непроницаемым и даже скупающим.

– Начинаем, товарищ полковник? – дежурно поинтересовался он.

– Да. Пятиминутная готовность, – откликнулся Гуров.

– Понял. – Блондин снял с пояса рацию, нажал кнопку вызова и, не вынимая сигары из рта, командным голосом распорядился: – Всем внимание! Пятиминутная готовность! Занять боевые позиции!

Второй мужчина с густыми сросшимися бровями и огромным носом а-ля Жерар Депардьё тактично откашлялся. Зачем-то одернул ворот своего серого пиджака и гнусавым голосом произнес:

– Хотелось бы еще раз уточнить, Лев Иванович, кого берем, а кого можно и в расход? Как мы вычислим, кто из них поставщики?

Гуров нахмурился. Майор Поликарпов был хорошим оперативником, не один год уже проработав в Главном управлении уголовного розыска, но всякий раз, когда им приходилось работать в связке, полковника откровенно напрягала манера коллеги задавать банальные вопросы в самый неподходящий момент. Порой Гуров даже не пытался скрыть своего раздражения на этот счет. И он был твердо уверен, что Поликарпов так и закончит свою профессиональную карьеру в звании майора. Подняться выше по служебной лестнице для него будет крайне проблематично, если не сказать – нереально.

– Давай поступим так, Дима, – извлек из наплечной кобуры пистолет Лев. – Будем пытаться обойтись без кровопролития и никого в расход не пускать. Чем больше участников наркосделки возьмем живыми, тем лучше. Огонь на поражение вести только в самом крайнем случае. В пределах необходимой самообороны. Понятно? Кстати, к вашим парням это тоже относится, капитан, – добавил он, обращаясь к блондину с сигарой.

– Вас понял, товарищ полковник, – равнодушно отозвался тот, пуская перед лицом очередной густой клуб дыма. – Сделаем все от нас зависящее.

– И тем не менее это не ответ на мой вопрос, Лев Иванович, – прогундосил Поликарпов. – Кто нам нужнее?

– Я полагаю, те, кто окажется более покладистым и сговорчивым, – с улыбкой вмешался в дискуссию старших по званию Алябьев. – У дилеров в отличие от групп прикрытия вряд ли будет с собой огнестрельное оружие.

– Начинайте, капитан, – согласно кивнув, поддержал его Гуров.

Широкоплечий блондин вынул изо рта сигару, загасил ее о подошву тяжелого армейского ботинка и, сунув в нагрудный карман камуфляжной куртки, поднес к губам рацию:

– Начали, парни!

Захлопали дверцы автомобилей, включилась сирена, из фургона, как горох, высыпали человек десять с автоматами наперевес и бегом устремились к перекрестку Каширской и Большой Верхней. Блондин в камуфляже стремительно выхватил из-за спины вороненый «ТТ». В другой руке появился компактный мегафон. Скорым пружинистым шагом он двинулся в сторону заброшенной стройки.

– Останься тут, Рома, – распорядился Гуров. – Майор Поликарпов – со мной!

Все трое обогнули высотное десятиэтажное строение, и пустырь позади заброшенной стройки открылся как на ладони. Погода для середины октября стояла особенно ясная, и лучи солнца отбрасывали блики от металлических корпусов четырех сгрудившихся по центру машин – двух внедорожников и двух легковых автомобилей. Короткая автоматная очередь вспугнула стаю ворон на сиротливом иссушенном дереве.

– Облава! – громко крикнул кто-то из присутствующих на пустыре.

В ответ ему раздалось нечленораздельное гортанное ругательство на абхазском, смысл которого, впрочем, был вполне понятен сыщикам. Боевики из групп прикрытия повыхватывали пистолеты, а автоматчики в камуфляже, словно и не заметив этого, сноровисто и профессионально взяли их в кольцо. Блондинистый капитан, остановившись на выступе из красного кирпича, поднял мегафон.

– Оружие на землю! – жестко печатая каждое слово, произнес он, и его голос, усиленный динамиком, раскатился по пустынной местности. – Всем лечь лицом вниз! Любая попытка сопротивления будет немедленно подавлена. Огонь ведется на поражение. На исполнение приказа пять секунд. Время пошло!

Двое абхазцев возле черного «Гранд Чероки» дисциплинированно бросили стволы себе под ноги. Человек в светлом плаще слева от них растянулся на земле. Грохнул одиночный выстрел, но Гуров, стоящий рядом с капитаном спецназа, даже не успел определить, кто именно попытался оказать сопротивление. Зато реакция со стороны автоматчиков последовала молниеносная. Прицельная очередь в грудь опрокинула храбреца на спину. Вид пролитой крови подействовал на остальных участников наркосделки гораздо эффективнее, чем призыв капитана. Оружие посыпалось из рук на землю, как переспелые яблоки.

– Лечь лицом вниз! – повторил в мегафон командир группы. – Руки сложить на затылке! Две секунды на исполнение! Время пошло!

Приказу подчинились почти все. Замешкались только двое: коренастый мужчина лет тридцати пяти в синем спортивном костюме и высокий нескладный очкарик с прилипшей к нижней губе недокуренной сигаретой. Они быстро переглянулись между собой и одновременно метнулись к близстоящему бордовому «Шевроле». Распахнули передние дверцы с двух сторон, но очередная автоматная очередь заставила обоих растерянно замереть на месте. Пули просвистели над головами, как взбесившиеся дикие пчелы.

– Отойти от машины! Живо! Второго предупреждения не будет!

Очкарик первым задрал руки вверх, демонстрируя тем самым полную капитуляцию. Сигарета отлепилась-таки от губы и упала под ноги. Маленькие глазки-бусинки за поблескивающими стеклами лихорадочно забегали из стороны в сторону. Мужчина в спортивном костюме продолжал держаться за раскрытую дверцу «Шевроле». Капитан сделал два шага вперед, вскинул «ТТ» и выстрелил ему в ногу. Крепыш рухнул как подкошенный и застонал.

– Прекратить стрельбу! – вмешался Гуров.

Капитан коротко зыркнул в его сторону, лениво пожал плечами и опустил оружие.

– На землю! – в очередной раз бросил он в мегафон, обращаясь непосредственно к очкарику.

Тот плюхнулся на живот и опустил сцепленные в замок пальцы на затылок. Очки в металлической оправе нелепо съехали набок. Командир спецназовцев повернулся лицом к Гурову и доложил:

- Территория под контролем, товарищ полковник! – Один убитый и один раненый.
- Я видел, капитан. Спасибо.

Пятнадцать человек лежали под прицелами неподвижных, словно выкованных из стали, спецназовцев. Гуров и Поликарпов, оставив капитана, вновь извлекшего из нагрудного кармана замусоленную сигару, спустились со ступеней и прошли к машинам. Никто из задержанных не поднял головы и не посмотрел в их сторону. Сыщики остановились рядом с «Гранд Чероки». Гуров попытался открыть багажник внедорожника, но тот не поддавался.

- Чья машина?

Один из лежащих на земле абхазцев слегка приподнял голову и кивнул в направлении мужчины в светлом плаще. Поликарпов легонько поддел того носком ботинка, но он даже не пошевелился.

– Ну, поднимайся, – нахмурившись, буркнул майор. – Никто в тебя стрелять уже не будет. Вставай и открывай багажник.

Круглое загорелое лицо с тонкой ниточкой усов над верхней губой отлепилось от земли. Взгляд рассеянно пробежался по сторонам.

- Вставай, вставай! – поторопил его Поликарпов.

Абхазец неохотно поднялся на ноги. Долго шарил по карманам в поисках ключей, озираясь на автоматчиков. Страх был прописан на лице дилера крупным жирным шрифтом. Когда ключи наконец были найдены, он молча передал их Гурову, хотел было вновь растянуться на земле, но полковник удержал мужчину за руку:

- Минутку!

На дне багажника лежали рядышком два кожаных кейса. Он взял один из них, щелкнул замками и откинул крышку. Новенькие хрустящие купюры, по сто «баксов» каждая, были сложены аккуратными стопками и перетянуты голубыми резинками. Точно такая же картина открылась взорам сыщиков и во втором кейсе. Полковник поставил оба кейса рядом с задним колесом «Чероки» и призывно махнул рукой, подзывая командира спецназовцев. Только после этого сфокусировал пристальный взгляд на мужчине в белом плаще и представился по форме:

- Полковник Гуров. Главное управление уголовного розыска. Ваше имя и фамилия?
- Хаджарат. Хамгурдиа. Имя и фамилия, начальник. Только я хотел бы сразу сказать...
- Твои деньги? – перебил абхазца Гуров.

Тот отрицательно замотал головой:

– Не мои, начальник. Клянусь, не мои. Об этом я и хотел говорить... Пойми, брат, я ведь всего лишь курьер. Человек маленький. Очень маленький... Мое дело – что? Деньги доставил, товар забрал и никому никакого зла не сделал. Чистый я...

Поликарпов выразительно хмыкнул.

- Разберемся, – сухо ответил Лев. – Кто еще тут курьер? Или ты один?

– Не, не один. – Хаджарат немного наклонился и расправил полы плаща. – Зачем один? Мне одному нельзя, начальник. Не положено... На сделку обязательно вдвоем должны приезжать. Чтобы никто никого не кинул, никто ничего лишнего не прикарманил. Таков порядок, начальник... Вон Нури – еще курьер. В красной куртке. С краю он лежит.

– Ясно. Скажи всем своим людям, чтобы поднимались. Только без резких движений. – Гуров повернулся к подошедшему капитану: – Общайте их и забирайте. Дилеров или курьеров этих, как они себя называют, – в Управление, остальных – сразу в ИВС.

- Сделаем, товарищ полковник!

Капитан подал знак подчиненным. Семерых из пятнадцати подняли на ноги, продолжая на всякий случай удерживать под прицелом.

Гуров проверил багажники «БМВ» и «Шевроле», но ничего не обнаружил. Зато во втором внедорожнике на заднем сиденье мирно покоилась объемная спортивная сумка грязно-коричневого цвета с вертикальными белыми полосами. Полковник расстегнул «молнию», и

Поликарпов, заглянувший ему через плечо, громко присвистнул. Сумка доверху была забита пакетиками с мутно-прозрачными кристаллами. Майор осторожно двумя пальцами выудил один из них, раскрыл, достал самый маленький кристалл и, бесцеремонно положив его на капот джипа, несколько раз аккуратно стукнул рукояткой пистолета. Затем взял на палец пару мелких крошек и слизнул их языком. С минуту подержал во рту и сплюнул.

– «Мет», Лев Иванович, – констатировал он. – Причем весьма приличного качества.

Гуров бросил быстрый взгляд на тех, кто еще лежал на земле, включая раненного в ногу крепыша, успел заметить, как высокий нескладный очкарик поспешно и испуганно отвел глаза, и кивнул майору. Поликарпов поднял задержанного на ноги. Поставив сумку на прежнее место, Лев обратился к очкарику:

– Твой товар?

– Нет.

Полковник молча обошел внедорожник, раскрыл бардачок и, порывшись в нем секунд десять, отыскал документы на машину. Поликарпов тем временем сноровисто обыскал подозреваемого и, выудив из внутреннего кармана его куртки паспорт в дерматиновом переплете, передал его Гурову. Имя и фамилия в обоих документах были идентичными. Очкарика звали Геннадий Прохоренков.

– Это еще ничего не доказывает! – визгливо воскликнул мужчина. – Машина моя, а сумка – нет.

Он собирался добавить к сказанному еще что-то, но не успел. Поликарпов со всей силы ударил задержанного кулаком в живот, заставив его сложиться пополам и закашляться.

– Полегче, Дима! – предостерег Гуров майора. – Думаю, мы сумеем найти общий язык с Геннадием Александровичем и без применения грубой силы. Верно, Геннадий Александрович?

Прохоренков ничего не ответил. Полковник зашел ему за спину и защелкнул наручники на худых запястьях. Сопrotивления не последовало.

– Присядем в вашу машину, Геннадий Александрович, – предложил сыщик. – А ты, Дим, займись остальными. Парни капитана тебе помогут.

– Вам точно не нужна помощь, Лев Иванович? – уточнил Поликарпов.

– Я справлюсь, – улыбнулся Гуров. – Да, и не забудьте про медицинскую помощь раненому. Он тоже может оказаться в итоге полезным свидетелем.

Лев усадил Прохоренкова на переднее пассажирское сиденье джипа, а сам занял место за рулем. Со стороны Большой Верхней на пустырь выкатились два спецназовских фургона. Прохоренков снял очки, протер и без того чистые стекла рукавом куртки и, водрузив их обратно на переносицу, осторожно спросил:

– Может, мы договоримся, командир?

Гуров повернул голову. На его губах все еще играла легкая снисходительная улыбка.

– Конечно, договоримся, – ответил он, и его слова заставили Прохоренкова улыбнуться в ответ. Правда, совсем ненадолго. – И договор у нас с тобой будет простой, Геннадий Александрович. Ты рассказываешь мне, как и от кого к тебе в руки попало такое огромное количество метамфетамина, а я взамен оформляю тебе явку с повинной. Вроде как ты сам пришел и весь товар сдал. В итоге ты получишь максимум год. Да и то, возможно, условно. В отличие от всех тех, кого мы сегодня вместе с тобой накрыли. Ну, и как тебе такой расклад?

Прохоренков сунул руку в карман куртки. Полковник напрягся, но Геннадий всего лишь выудил пачку сигарет.

– А товар? Что будет с ним? – поинтересовался он.

– Товар мы, естественно, конфискуем.

– Весь?

– Не задавай глупых вопросов, Геннадий Александрович, – раздраженно поморщился Гуров. – Конечно, весь.

– Но за этот товар мне голову оторвут. – Очкарик щелкнул зажигалкой и подпалил кончик сигареты. Руки его слегка подрагивали от волнения. – Вернее, за его отсутствие... Там же кристаллов на хренову тучу «бабок».

– Я догадался. Но это уже этап пройденный. В любом случае... произошла ли конфискация во время операции или в результате явки с повинной, сути дела это не меняет. Никак, Геннадий Александрович. Разница только в том, по какой статье ты пойдешь.

– И что мне грозит?

– Лет десять. Не меньше.

Прохоренков болезненно скривился. Сделал несколько быстрых глубоких затяжек и выпустил дым в раскрытое окно. На то, чтобы принять верное решение, у него ушло не так уж и много времени. Он практически не раздумывал.

– Хорошо. Только это... Лев Иванович? Да?

– Совершенно верно, – кивнул Гуров.

– Поймите меня правильно... – Прохоренков старательно подбирал слова и намеренно избегал смотреть в глаза собеседнику. Его взгляд был устремлен прямо перед собой. Через лобовое стекло дилер мог прекрасно видеть, как людей из его группы прикрытия грубо заталкивают в один из спецназовских фургонов, не гнушаясь охаживать прикладами автоматов по спинам. – Я готов пойти с вами на взаимовыгодное сотрудничество, которое вы предлагаете, но... Боюсь, что толку от моих откровений особо не будет...

– Ты начни, Гена, а я уж сам разберусь, будет из этого толк или нет, – посоветовал полковник.

– Да, конечно... Вам виднее... Просто я хочу сказать, что я в этой системе сравнительно недавно, что-то около месяца, и почти никого не знаю... Кроме одного человека. Того, кто непосредственно передавал мне товар и отправлял на сделку.

– И кто он?

– Его зовут Даниил.

– Даниил... – прищурившись, повторил Лев. – А дальше?

– А дальше – все. – Прохоренков поправил указательным пальцем очки на переносице. – Просто Даниил. Мне о нем больше ничего не известно. Ни фамилии, ни адреса, ни где и как его найти... За истекший месяц я был на трех таких сделках, как сегодняшняя. И всякий раз Даниил звонил мне на мобильник с неопределяемого номера, назначал встречу, я приезжал, он передавал мне сумку и подробные указания, что и как я должен делать... А с полученными за товар деньгами – все еще проще. Опять звонок от Даниила и указания, в какой именно ячейке камер хранения на вокзале мне следует оставить «дипломаты» с деньгами. Причем, что самое интересное, ячейки всегда разные, и Даниил никогда не сообщает номер заранее. То есть до тех пор, пока сделка не совершится.

– Прямо какие-то шпионские страсти, – разочарованно протянул Гуров. – Только вот что действительно интересно, Гена... Как же тебе, совершенно новому человеку, проработавшему в системе всего месяц, доверяют такие крупные партии «мета»?

Прохоренков ответил не сразу. На этот раз он раздумывал чуть дольше. На лице отражалось откровенное колебание.

– Так я это... Лев Иванович... Можно, не для протокола?

– Валяй!

– Нет, я серьезно. – Дилер едва ли не впервые за все время разговора повернул голову и посмотрел в глаза сыщику: – Вы ведь не станете подтягивать меня за мои прошлые прегрешения перед законом?

– А серьезные прегрешения? – предпочел уточнить Гуров.

– Ну... Как сказать. Практически такие же...

– Говори! Подтягивать не буду. Можешь смело считать, что у нас с тобой неофициальная беседа, Геннадий Александрович.

– Добро! – расплылся в улыбке Прохоренков и вновь поправил очки. – Дело в том, что я до этого почти два года в кокаиновом бизнесе работал. По той же схеме. Товар – деньги – товар. На Комола трудился. Может, слышали про такого?

– Знакомая кличка, – кивнул сыщик.

– Наверняка. Комола как раз и грохнули месяц назад, ну, аккурат, как в столице Блеклый со своим бизнесом нарисовался. Будем так говорить, Комол и стал его первой жертвой. А мне предложили перейти во вражеский лагерь. На вольготных условиях...

– Так ты, выходит, и Блеклого знаешь?

– Слышать – слышал, а так... Нет. Лично незнаком, конечно, – пожал плечами Геннадий.

– А кто предложил перейти?

– Опять же Даниил и предложил. Комола грохнули, а ровно через два дня – звонок. С неопределяемого номера, естественно... Даниил забил мне стрелку, ну, и сделал предложение, от которого я не смог отказаться... Как в «Крестном отце», короче. И да... Они мне доверяли. Видать, навели справки предварительно. Знали, что я – человек надежный, и «крысить» у своих не буду. А зачем? Только дураки кусают руку, которая их кормит.

– Понятно, – протянул Гуров. – А описать этого таинственного шпиона Даниила сможешь?

– Можно попробовать, – не очень уверенно откликнулся Прохоренков.

Никто из мужчин не обронил ни слова до тех пор, пока официант не покинул отдельную, специально бронированную на сегодняшний вечер кабинку ресторана. Святой разлил виски по трем стаканам. Придвинул к себе поближе тарелку с греческим салатом. Обстоятельно положил на белоснежные салфетки нож с правой стороны, а вилку – с левой. Его небесно-голубые, как у хаски, глаза с маленькими зрачками были практически неподвижными.

– Прежде чем перейдем к делам насущным, давайте за встречу, братва, – приподнял он стакан. – Не так уж и часто нам приходится пересекаться. И жаль, что, как правило, все эти встречи обусловлены печальными поводами. Или очередными проблемами. От такой нехорошей традиции надо избавляться.

– Ты прав, Святой, – поддержал его Гремлин, шуплый седовласый старец, облаченный в дорогой костюм от «Армани» и полосатый галстук. В левом ухе старика поблескивала золотая сережка с крупным алмазом, что совершенно не сочеталось с благообразной внешностью Гремлина. – Повод, как всегда, неприятный, но выпить за встречу действительно стоит. Полюдски ведь надо, как говорится.

Богдан тоже поднял свой стакан вместе с двумя сотрапезниками, но пить не стал. Чокнулся и поставил его обратно на стол. Возражений не последовало. И Святой, и Гремлин прекрасно знали, что Богдан никогда в своей жизни не употреблял спиртного. Однако не налить ему так же, как и всем, Святой не мог.

– В ближайшее время я исправлю эту традицию, – пообещал он, насаживая на вилку квадратик сыра. – И вы можете отнести мои слова в банк. А пока... Рассказывай, Богдан.

– А что рассказывать? – Черноволосый кучерявый мужчина, со слегка раскосыми глазами и огромной волосатой родинкой на правой щеке, откинулся на спинку стула. Приступать к трапезе он не торопился, придерживаясь принципа – сначала дело, потом еда. – Готов поспорить, Святой, что ты и без моего рассказа все знаешь. Земля-то, она слухами полнится, так, кажется, у вас, у русских, говорят... Или скажешь, что ты ничего не слышал о перестрелке на Ульяновской два дня назад?

– Ну почему же? – не стал отрицать Святой. – Слышал, конечно. Разграбили очередную твою точку. Умыкнули товар, постреляли боевиков...

– Если бы только так. – В руках Богдана появились четки, которые он принялся медленно и завораживающе перекачивать между пальцев. – На самом деле дела обстоят гораздо хуже, Святой. Я не стал бы поднимать кипиш из-за одной паршивой точки. И товара там было – пшик. Такого товара мне еще тоннами навезут, если надо. Но... У меня накрылась целая сеть. Убили надежного человечка. Зубра. А тот пес шелудивый, который ходил под Зубром, артачиться уже не стал и пошел на сговор с беспредельщиками Блеклого. Всю наработанную Зубром систему под его гребаный «мет» перевел. – Богдан обвел взглядом присутствующих и добавил: – Надеюсь, никому не надо доказывать, что вся эта чехарда – дело рук Блеклого?

– Не надо, – мрачно откликнулся Гремлин, делая очередной глоток виски. – Он у меня уже всю Шаболовку к рукам прибрал. И район Парка культуры. Никто из дилеров не хочет связываться с кокаином. Боятся. Я распорядился отстрелять пару «бегунков» Блеклого, так он тут же «ответку» бросил. Да такую, что я на ней человек десять потерял. И не простых «бегунков», как он, а надежных, проверенных людей. А это уже война, Святой. Серьезная война. Воевать будем? Я-то готов. Вопрос только в том, готовы ли меня поддержать остальные.

– Я поддержу, – негромко произнес Богдан.

Святой отрицательно покачал головой. Довольно быстро и ловко расправившись с салатом, он отодвинул от себя пустую тарелку и взял с общего блюда кусок бараньего шашлыка, продолжавшего томиться на медленном огне. Гремлин налил себе еще виски – он предпочитал этот напиток всем остальным.

– Войны не будет, – заявил Святой. – И вы можете отнести мои слова в банк.

– Как так? – удивился Гремлин.

– Почему? – эхом откликнулся Богдан.

Святой неторопливо прожевал кусок шашлыка и аккуратно отложил вилку с ножом. Голубые глаза слегка блеснули.

– Потому что сейчас не девяностые, – пояснил он. – Менты не дадут нам развязать кровавую баню в столице.

– Блеклому это не мешает.

– Это проблемы Блеклого.

– Пока это наши проблемы.

– Остынь, Богдан! – миролюбиво улыбнулся Святой. – И дай мне возможность объясниться. Прояви уважение, будь добр.

– Хорошо. – Четки в руках Богдана замерли. – Мы тебя слушаем.

Святой прочистил горло, но в объяснения пустился далеко не сразу. Спешить ему было некогда. Да он никогда и не спешил.

– Война никому не нужна, братва. Во-первых, это слишком накладно. Как в финансовом отношении, так и в кадровом. Зачем нам такие глобальные потери при многолетнем отлаженном бизнесе? Лично я считаю, что они ни к чему. И вы можете отнести мои слова в банк. А во-вторых... Как я уже сказал, не стоит устраивать конфликты с властями. В результате у нас есть два пути, каким образом усмирить беспредельщика Блеклого. Путь первый: сдать его. При желании менты разберутся с этой проблемой, как два пальца...

– С ментами сотрудничать – запахло, – покачал головой Богдан.

– Согласен, – улыбнулся одними уголками губ Святой. – Я учел это, но оставил вариант как резервный и предпочел взять на вооружение путь второй – ликвидация. Нет Блеклого – нет проблемы. Без своего лидера и вдохновителя его люди разбегутся как крысы. Да и варить «мет» будет некому...

– Я слышал, у Блеклого есть напарник, – ввернул Гремлин.

Святой выудил сигарету из пачки и закурил. Откинув шторку, в дверях кабинки появился официант, но, оценив ситуацию, тут же ретировался. В общем зале собралось достаточно много посетителей, но гул голосов не достигал отдельного помещения.

– Есть. – Тонкая сизая струйка дыма потянулась к потолку. – Но основной варщик – сам Блеклый. Без него процесс встанет. Умрет. И вы можете отнести мои слова в банк, господа. Я успел навести справки на этот счет. И даже взял на себя смелость отдать соответствующие распоряжения...

Гремлин резко подался вперед. Сережка в его левом ухе ярко блеснула. На мгновение старик даже забыл о своем недопитом виски.

– В смысле? – Кустистые седые брови сошлись в области переносицы. – Ты уже запустил киллера, Святой?

– Да. Нужный человек взял на себя гарантии. В течение двух-трех дней с Блеклым будет покончено. Его просто не станет. И вы можете отнести мои слова в банк.

Не вынимая сигарету из рта, Святой подцепил вилкой еще три куса шашлыка и положил их себе на тарелку.

– Мне нравится этот план, – опустив четки, одобрительно кивнул Богдан. – И Блеклый заслужил такой приговор. Мы слишком долго выстраивали в Москве нашу систему сбыта, чтобы отдать ее без боя. Это было бы несправедливо. Очень несправедливо... Но если что-то пойдет не так, Святой, войны не избежать. Ты должен понимать это.

– Я понимаю.

Гремлин долил себе виски и отставил бутылку в сторону. Озвучивать свое мнение дальновидный старик не торопился. Слишком много разборок повидал он на своем веку и не позволял себе делать выводы раньше времени.

– Все, что нам нужно, – это спокойная обстановка в столице, – резюмировал Святой. – Только при таком условии мы сможем держаться на плаву. Разве не к этому мы стремились?

И Богдан, и Гремлин согласно кивнули.

– Я разберусь. – Святой положил сигарету на краешек пепельницы. – И вы можете отнести мои слова в банк.

– Немногие воспоминания детства остаются в памяти. Большую часть из них поглощает время. Безвозвратно. – Нури завороченно наблюдал за тем, как Гуров помешивает кофе в чашке маленькой серебряной ложечкой. Белая пенка по центру кружилась, подобно карусели. Поликарпов стоял возле окна спиной к допрашиваемому. – Но какие-то остаются с нами на всю жизнь. Я очень явственно запомнил одно. Мне было шесть. На улице уже стемнело, а я сидел один в детском саду с воспитательницей и ждал маму. Потом наступила ночь. И я понял, что она уже не придет. Воспитательница забрала меня к себе домой. Она тоже поняла. Я провел ночь в постели с ее двумя детьми. С мальчиком и девочкой. Они были близнецами... – Абхазец выдержал продолжительную паузу, сопроводив ее глубоким вздохом. – К слову сказать, полковник, на той девочке я женился... пятнадцать лет спустя. И все потому, что мне еще много раз приходилось ночевать в том доме. Я стал там частым гостем. Мы сдружились, а потом полюбили друг друга. Ее брату это не нравилось... Но кто брал в расчет его мнение?.. Впрочем, речь не об этом... Не угостите сигареткой?

– Не курю. – Гуров терпеливо ждал, когда задержанный дилер закончит свою душещипательную исповедь и перейдет к сути дела.

– Это неприятно... Ну, ладно... – Нури тоскливо бросил взгляд за окно. Поликарпов по-прежнему стоял без движения. Просьба абхаза была оставлена им без внимания. – Наутро после той первой ночи я узнал, что моей маме стало плохо на улице, и ее отвезли в больницу. У нее была такая сильная головная боль, что она потеряла сознание. Поэтому и не пришла за мной... Это был первый звонок. А потом приступы стали чаще. Ей диагностировали рак

головного мозга. Мне было десять, когда она умерла. А за год до этого я поклялся себе, что сделаю все возможное, чтобы спасти маму. Кроме нее, у меня никого не было. Отца я никогда не знал... В общем, я хочу сказать, что уже в девять мне пришлось выйти на улицы и торговать гашишем. Таким образом я надеялся заработать деньги и вылечить ее... Абсурдное решение... Но дети – идеалисты. Согласитесь, полковник?

– Согласен. – Гуров отложил ложечку и сделал маленький обжигающий глоток кофе. Это придало ему бодрости, накопившаяся усталость отступила. – И я понимаю вас, Нури. Но не оправдываю...

– Само собой, – потупился абхазец. – Но я хочу, чтобы вы поняли, с чего все началось. Для меня... Сначала гашиш, потом марихуана, спайс... Процесс затягивает. А ведь изначально моя цель была благородной и праведной... И я больше ничему не научился. Шесть лет назад мне предложили перебраться в Москву. Я лично общался с Богданом. И горжусь этим... Такой большой человек, а я... Я – вошь, полковник. И «крыса». Три дня назад я предал Богдана. Но был ли у меня выбор? Скорее всего, нет... Сделка или смерть – только так. Я предпочел сделать разумный, но трусливый выбор.

– Кто на вас вышел? Даниил?

В глазах Нури мелькнуло искреннее изумление.

– Откуда вы знаете про Даниила? Кто-то уже сдал его?

– Это неважно. Сейчас имеют значения только ваши показания. И от них зависит ваша дальнейшая судьба. Рассказывайте, Нури.

Абхазец нервно поерзал на стуле. Майор наконец отлепился от окна и вернулся за свой рабочий стол. Сел и пристально уставился на задержанного. Покосившись в его сторону, Нури признался:

– Да. Это был Даниил. Во всяком случае, он так представился. С ними были еще люди. Боевики Блеклого. Но переговоры вел Даниил. Он сказал, что я не могу больше работать на Богдана. Мне придется работать на них. Толкать их товар или... Или умереть... Я поступил как шакал, я согласился. И вот сегодня... При передаче первой партии все закончилось тем, что вы нас «спалили».

– То есть вы встречались с Даниилом всего раз? – уточнил Гуров.

– Именно так, полковник.

– Дохлый номер, Лев Иванович, – не удержался от комментария Поликарпов и даже раздосадованно хлопнул ладонью по столу. – Ничего нового мы от него не узнаем. Звонки с неопределяемых номеров, ячейки камер хранения... Все то же самое, мать их за ногу! А таинственный Даниил так и остается просто Даниилом. Человеком-невидимкой.

– Успокойся, Дима, – осадил его Гуров. – Всему свое время. Люди-невидимки тоже рано или поздно оставляют следы и перестают быть невидимками.

– Вашими бы устами... Только мне все равно кажется, что мы зря теряем время. Пусть сдают Богдана. Это лучше, чем ничего.

– Богдан от нас никуда не денется, – откликнулся полковник и вновь обратился к задержанному: – Описать этого Даниила можете? А еще лучше – помочь составить фоторобот?

– Насчет фоторобота не уверен. – Нури в задумчивости пожевал нижнюю губу. – Хотя попробовать, конечно, можно, но... У меня не очень хорошая память на лица, особенно славянского типа. Они все на одно лицо.

– Как и вы для нас, – буркнул Поликарпов, но абхазец не расслышал его замечания. Или предпочел сделать вид, что не расслышал.

– А так... – продолжил он. – Ну, что про него можно сказать? Среднего роста. Скорее худой, чем толстый. Не особо спортивного телосложения. Волосы и не темные, и не светлые. Что-то среднее.

– Шатен?

– Наверное, – пожал плечами Нури. – Говорю же, мне сложно судить... Лицо вроде про-
долговатое. Нос... Обычный нос.

– Глаза какого цвета? – Гуров раскрыл папку и выудил из нее лист с протоколом допроса
Геннадия Прохоренкова.

– Черные вроде.

Полковник сверился с собственными записями. Прохоренков, официально допрошен-
ный час назад, утверждал, что глаза у Даниила – карие. В остальном описывал его приближи-
тельно так же, как и Нури. И тоже без особой уверенности.

– Особые приметы есть? Шрамы, родинки, татуировки?

– Ну... Я не знаю, полковник. Не заметил... Кажется, ничего такого не было... Да я, соб-
ственно говоря, и не разглядывал его особо. Зачем мне? Я ведь не на романтическое свидание
с ним собирался.

Поликарпов негромко хмыкнул. Гуров закрыл папку и сделал еще один глоток кофе.
После чего поднялся на ноги и прошел к двери. Приоткрыв ее, выглянул в коридор и распо-
рядился:

– Сержант, забирайте задержанного и запускайте следующего!

– А что со мной? – развернувшись на стуле, спросил Нури.

– Пока в ИВС, а там видно будет, – равнодушно ответил Гуров.

– При всем уважении к вам, Лев Иванович, – заговорил Поликарпов, когда абхазца
вывели из кабинета, – я хочу повторить еще раз, что мы элементарно топчемся на месте. Кто
вообще вам дал наводку на эту сделку? – Он выдержал паузу, ожидая ответа, но его так и не
последовало. Гуров молча занял прежнее место за столом. – Впрочем, неважно... Кто бы он ни
был, вы не думаете, что этот человек просто водит вас за нос и «сливает» тупиковые варианты?

– Не думаю.

– Хм... Воля ваша. Мне лишь показалось... Ну, да бог с ними, с этими информаторами.
«Слил» – да и ладно. У нас появился реальный выход на группировку Богдана. – Майор азартно
потер руки. – Два дилера, трудившихся на него долгие годы! Знают всю систему как свои пять
пальцев...

– Меня не интересует Богдан. – В голосе полковника мелькнуло раздражение. – Пока
не интересует. Не он подкидывает нам едва ли не каждые два дня гору свеженьких трупов, а
человек по кличке Блеклый.

– А разве тот, кто торгует наркотиками, не торгует смертью? – ухмыльнулся майор. –
Наркоманы умирают от передоза ежедневно.

– Но не от спайсов.

– Да ладно, Лев Иванович! – забыв о субординации, кинулся в наступление Поликар-
пов. – Будто вы сами не знаете, как это бывает. Спайс – это только начало. Дальше – больше...
Впрочем, если вы пытаетесь закрыть глаза на очевидное...

– Я не пытаюсь, Дима. И не закрываю глаза. Но для борьбы с незаконным оборотом
наркотиков существует отдельное ведомство. А у нас с тобой – другие задачи. – Гуров жестко
печатал каждое слово. – И Орлов их четко обозначил на последней летучке, как ты помнишь.
Или, может быть, ты хочешь лично доложить генералу, что мы меняем вектор расследования?

– Но мы не меняем, Лев Иванович...

– Разговор закрыт, Дима!

Дверь кабинета открылась, и крепко сбитый молоденький сержант ввел в помещение
Хаджарата Хамгурдиа. На пороге дилер споткнулся, испуганно огляделся по сторонам и даже
машинально сделал шаг назад, но сержант удержал его на месте.

– Присаживайтесь, – указал Лев абхазцу на стул, который несколькими минутами ранее
занимал его соотечественник.

Хаджарат сел. Его круглое лицо с тонкими усиками над верхней губой выглядело заметно осунувшимся и изможденным. Левое веко подергивалось в легком нервном тике. Дилер даже не пытался скрыть своего страха.

– Вы должны меня отпустить, – не слишком уверенно заявил он и тут же добавил: – Прошу вас.

– Неужели? – вскинулся Поликарпов. – С какой стати?

– Я готов сотрудничать. – Хаджарат быстро вытер вспотевшие ладони о брюки. – Могу предоставить любую информацию, какую вам нужно. Любую... Клянусь! Только отпустите! У меня семья... Жена молодая, дочка растет... Я не могу в тюрьму. Я расскажу вам что пожелаете.

– Расскажите нам о человеке, который вас перевербовывал, – подался вперед Гуров. – О том, кто заставил вас отказаться от сбыта спайсов и переключится на торговлю «метом»...

– Вы имеете в виду Даниила? – живо откликнулся Хаджарат.

– А вас перевербовывал кто-то еще?

– Ну... В принципе предложение исходило от него... Просто накануне на нас с Нури наехали другие русские парни. Они не представились, но сказали, что отстрел на точках Богдана – это их рук дело. Мы с Нури поверили им на слово. Клянусь! У них были такие лица, что не поверить им было невозможно. И мы с Нури поверили. Тогда они сказали, что, если мы не хотим той же участи, нам придется сменить работодателей. То есть товар к нам будет поступать не от Богдана, а от другого человека. И другой товар... Мы согласились, и те парни сказали, что завтра с нами свяжутся. И тогда появился Даниил. Мы с Нури уже были готовы к разговору. Без подстав и всякого такого разного...

– Даниил говорил с вами обоими одновременно? – перебил задержанного Гуров. – И с вами, и с Нури?

– Да. С обоими. Одновременно... Да...

На лице полковника отразилось разочарование.

– То есть вам известно то же, что и остальным, – не столько спросил, сколько констатировал он очевидное. – Только его имя. Даниил.

Но ответ Хаджарата очень удивил Гурова.

– Не только... Нет... Вам нужен Даниил? Да? Вы его ищете? Я знаю этого человека. Я слышал о нем раньше и знаю, как можно на него выйти.

Рука полковника непроизвольно потянулась к чистому листу бумаги.

– Вот как?

– Да. Я могу вам помочь... Вы отпустите меня? Ведь отпустите? Правда? Если я поделюсь с вами тем, что знаю сам?..

– Давайте сначала посмотрим, насколько важна ваша информация, – ушел от прямого ответа Гуров. – И если она действительно поможет нам выйти на крупного поставщика метамфетамина, то можно будет обсуждать какие-то условия.

– О! Она поможет! – Хаджарат закивал головой как китайский болванчик. – Очень поможет. Клянусь!

– Я слушаю, – сдержанно произнес сыщик.

– Дело было недели три назад, – спешно затараторил абхазец, – или около того. Группировка метамфетаминщиков только начала теснить бизнес Богдана. Появились первые трупы... И мы как раз объезжали точки в районе Кутузовской, проверяли, все ли в порядке... все ли наши «бегунки» на местах... А когда подъехали к точке в Раменском переулке, Руслан, бригадир одной из групп прикрытия, сказал, что на этой точке точно валить никого не будут, так что можно и не проверять... Я тогда очень удивился и спросил его: «Почему?» А он сказал, что старший брат местного «бегунка» работает на Блеклого. Большая шишка. И зовут его Даниил. А «бегунка» того я сам хорошо знаю. Его все знают. Он заметный...

– Что значит «заметный»?

– Как бы это сказать... Он – умственно отсталый. У него большая тыквообразная голова, проблемы с речью, и он подволакивает правую ногу при ходьбе. Я слышал, что он таким и родился... Но «травку» толкать может. Стоять на точке – ведь много ума не надо. Да... Но Даниил не станет валить брата. Это точно. Какой-никакой, а брат все-таки. Родная кровь. Да?

– Как его имя? Фамилия? – Полковник старательно зафиксировал показания абхаза, но последний вопрос поставил Хаджарата в тупик.

– Откуда мне знать? – ответил он, и в его глазах снова плеснулся страх. – У «бегунков» никто никогда паспортов не спрашивает. Клянусь! На то они и «бегунки»... Знаю только, что все зовут этого умственно отсталого Малюта Скуратов. Даже и не знаю, почему... Малюта – и Малюта. Скуратов – и Скуратов. Да его в Раменском переулке каждая блохастая собака знает. Он там уже много лет толкает. Любого спросите... Хотя чего спрашивать? Если товар у него на руках, он и сам там будет. А узнать его несложно. Да...

– Дима, – повернулся к напарнику Гуров. – Созвонись с капитаном Алябьевым, и возьми этот вопрос на контроль. Хоть посменно в переулке дежурьте, но Скуратова этого отыщите.

– Понял, Лев Иванович, – кивнул майор. – Сделаем.

– А кучеряво нынче живут рядовые наркодилеры! – восхищенно присвистнул Кол, паркуя автомобиль напротив добротного двухэтажного особняка с красной куполообразной крышей таким образом, чтобы «Ниссан» нельзя было заметить с расположенных по периметру видеокamer. – Скажи, Шершень?

– Да, недурно.

– Труба тоже построит себе такой домишко, как только мы поднимемся, – сообщил Труба, выуживая из целлофанового пакета огромных размеров шаурму со свининой.

Промасленная салфетка упала ему на колени, но он тут же сбросил ее на пол. Впился зубами в край тонкого лаваша, добавил еще что-то, но слов уже разобрать было невозможно. Сидящий рядом с Трубой маленький толстенький человечек с короткими кучерявыми волосами прижал к груди перепачканный грязью пиджак и с опаской покосился на здоровяка.

– Теперь вы меня отпустите? – тихим прокуренным голосом поинтересовался он.

Шершень ответил не сразу. Достав из бардачка бинокль, он навел его на особняк и, не поворачивая головы, спросил:

– Охрана есть?

– Два человека на воротах должны быть. И один в доме, – ответил толстяк. – Папа-Джанго нехило трясется за свою шкуру. Причем он «очкует» и в отношении Гремлина, и в отношении конкурентов. Ну а уж про ментов и вовсе говорить нечего. Уверен, Папа-Джанго обделается сразу, едва увидит человека в форме. Даже издалека.

В отношении охраны у ворот «бегунок» не соврал. Шершень сразу заметил в бинокль две фигуры. Мужчины, облаченные во все черное, мирно покуривали с внешней стороны открытой металлической створки. На поясе одного из них виднелась кобура с торчащей из нее компактной рукояткой. Момент для атаки был самым подходящим.

– Вали! – опустил он бинокль на приборную панель. – Но учти, если вздумаешь позвонить своему дилеру и предупредить о нашем визите, больше суток не проживешь. Поверь мне на слово. Не мы, так наши братья по оружию отыщут тебя.

– Я понял, понял, – поспешно замотал круглой головой толстяк. – Че я – враг себе? Я еще жить хочу. А Папа-Джанго мне кто? Кум, сват, брат? Да никто. Не буду я ему звонить.

– Правильно мыслишь, – одобрительно хмыкнул Шершень. – Отчаливай давай!

Долго упрашивать «бегунка» не пришлось. Он выбрался из салона и тут же кинулся наутек, даже не удосужившись прикрыть за собой дверь. Ему понадобилось не больше десяти секунд на то, чтобы раствориться в наползающих на пригород сумерках.

– Пора и нам. – Шершень достал пистолет и ловко навинтил на дуло глушитель. – Я двину прямо к ним. Кол, ты меня прикроешь.

– А Труба? – Труба положил недоеденную шаурму прямо на сиденье и вытер ладонью перепачканный кетчупом подбородок. – Труба, типа, не в теме?

– Сиди пока, – осадил подельника Шершень. – Доедай свой ужин. Как только мы уйдем с этой парочкой на воротах, я махну тебе. Внутрь пойдем все вместе. Лады?

– Лады!

Труба остался доволен таким решением. Однако возобновлять прерванную трапезу так и не стал. Выудил из-под куртки оружие, снабдил его по примеру Шершня глушителем, положил на правое колено и приготовился ждать сигнала...

Шершень, изображая из себя пьяного и держа «глок» за спиной, двинулся к воротам. Парни в черном заметили его приближение, и один из них, тот, у кого на поясе висела кобура, сделал пару шагов навстречу незваному гостю. Кол незамеченным скользнул к живой изгороди.

– Эй, алкаш! Чего надо? Заблудился?

– О! Парни! – Шершень изобразил на лице широкую добродушную улыбку. – Сорри! Не подскажете?.. Я тут ищу кое-кого...

– Кого бы ты ни искал, адресок у тебя явно не тот.

– А где же тот?.. Я щас скажу, какой мне нужен...

Они сблизались, и в ту же секунду дуло «глока» с глушителем ткнулось мужчине в черном под ребра. Он машинально потянулся к кобуре, но Шершень, характерно прищелкнув языком, отрицательно покачал головой. От образа подгулявшего пьянчуги не осталось и следа.

– Даже и не думай, братишка, – процедил он. – Одно неверное движение, и я гарантирую тебе пару лишних дырок в теле. Подумай об этом, прежде чем корчить из себя героя.

Рука охранника безвольно опустилась вдоль тела.

– Молодец, – похвалил его Шершень. – А теперь медленно поворачивайся и топай к воротам.

– Чего тебе надо?

– Поворачивайся и топай.

Парень повернулся, но так и не успел сделать ни единого шага. Шершень коротко взмахнул рукой, и тяжелая рукоятка прицельно обрушилась на темечко жертвы. Сознание покинуло охранника. Тело кулем осело на землю.

– Какого черта? – живо отреагировал второй мужчина в черном.

Он расстегнул «молнию» куртки и сунул руку за пазуху. Кол был готов к подобному повороту событий. Вынырнув из полумрака и оказавшись за спиной охранника, он резко рубанул ребром ладони по его шее. Пальцы второй руки сомкнулись в кулак. Новый удар пришелся по печени. Охранник глухо ойкнул и упал на колени. До оружия под курткой он так и не дотянулся. Остроносый ботинок, описав в воздухе плавную дугу, впечатался в голову, и мужчина рухнул лицом вниз. Кол продемонстрировал подельнику большой оттопыренный палец. Шершень опустил «глок».

– Красиво, – одобрительно протянул он. – Я бы даже сказал, эффектно. Где настраивался?

– Нашлись добрые люди, – скромно ответил Кол. – Научили кое-каким приемчикам... Давно это было.

Шершень взмахнул рукой, подавая сигнал оставшемуся в машине Трубе. Приоткрытая металлическая створка позволяла беспрепятственно проникнуть на территорию. Шершень первым пересек зеленую лужайку перед домом и поднялся на крыльцо. «Глок» по-прежнему

надежно покоился в его правой руке, готовый при необходимости изрыгнуть смертоносный заряд. Кол и Труба молча следовали за «бригадиром».

Шершень толкнул дверь и шагнул в слабо освещенный холл с высоким потолком. Слева с подоконника проворно соскочила крупногабаритная фигура. Шершень успел заметить в руках секьюрити короткоствольный автомат и услышать лязг затвора. Любое промедление могло стоить ему жизни, но он, не колеблясь ни минуты и чуть развернув свой «глок», дважды выстрелил. Первая пуля ушла в «молоко», а вот вторая благополучно нащупала жертву, с отвратительным хлюпающим звуком вонзившись в грудь пятью сантиметрами ниже сердца. Автомат выпал из ослабевших рук охранника и упал на кафельный пол. Двухметровый широкоплечий амбал накрыл его сверху своим телом.

В гостиной справа от Шершня вспыхнул свет. Он резко развернулся, держа оружие на изготовку, но необходимости вести огонь на поражение не возникло. Седовласый плешивый человечек в малиновом шелковом халате, внешне напоминающий грека, порывисто поднялся с дивана, взбудораженный звуками выстрелов. Чуть раскосые маленькие глазки испуганно уставились на человека с оружием. Огромный плазменный телевизор на противоположной стене транслировал старенький боевичок с участием еще молодого Арнольда Шварценеггера. Шершень коротко взмахнул «глоком» и проговорил:

– Присаживайся, Папа-Джанго, присаживайся, дорогой. Разговор у нас к тебе имеется. И если ты еще не заметил труп в холле, то должен тебе сообщить: разговор будет крайне серьезный. И крайне предметный. Просекаешь о чем я?

– Кто вы такие? – Папа-Джанго зачем-то плотнее запахнул халат на своей покрытой густым волосным покровом груди. – Что с моими людьми на улице? Они мертвы?

– Слишком много вопросов, – недовольно отозвался Шершень. Он прошел в гостиную и по-хозяйски развалился в удобном глубоком кресле. Положил «глок» на округлый подлокотник, но палец с курка не убрал. Дуло пистолета по-прежнему было нацелено в грудь хозяйина дома. Папа-Джанго не стал садиться. – Я, пожалуй, отвечу только на первый. Мы – те, от кого теперь зависит вся твоя дальнейшая жизнь, дорогой. И в первую очередь, насколько она будет долгой и счастливой. Обзывать не буду. Без обид, Папа-Джанго... Наши погоняла тебе ничего не скажут. Да и ни к чему они тебе. – Он закинул ногу на ногу. – Мы здесь исключительно для того, чтобы обрисовать ситуацию в целом. Детально с тобой будет говорить другой человек. Если ты, конечно, прямо сейчас примешь правильное решение...

– Какое решение? – Дилер машинально отступил на пару шагов назад и замер на фоне мерцающего экрана телевизора. – О чем вообще речь? Я не понимаю... Вы от кого вообще? От Гремлина или?.. – И тут его лицо осветилось неожиданной догадкой: – Вы от Блеклого? Да?.. Вы работаете на Блеклого?

– Угадал, – растянул губы в улыбке Шершень. – Сообразительный, чертяга!

Кол занял место позади подельника, облокотившись двумя руками о высокую спинку кресла. Труба тем временем прошел к раскрытому бару, встроенному в стену, пробежался взглядом по богатому арсеналу спиртного с пестрыми этикетками, но в итоге остановил свой выбор на бутылке минеральной воды. Свинтил крышку и сделал жадный глоток.

– Мы прикрыли две твои центральные точки, Папа-Джанго, – буднично сообщил Шершень. – Прикрыли самым кардинальным образом. Забрали товар у «бегунков» и изрешетили их группы прикрытия. О случившемся на Боровицкой два дня назад ты уже должен был слышать. То же самое мы проделали сегодня на Малой Моховой. Если мы не договоримся сегодня, то завтра точно такая же участь постигнет твой скромный бизнес на Кулеповской. А где-то в пятницу и точку в Зарубинском тупике. Но есть один нюанс, Папа-Джанго... Ты всего этого уже не увидишь. Потому как твоя никчемная жизнь будет решена здесь и сейчас. Либо ты с нами, либо против нас. Третьего не дано... На размышления отпускаю четыре минуты. – Шер-

шень сверился с наручными часами и выдержал трехсекундную паузу. – Все! Время пошло, дорогой товарищ!

Дуло «глока» слегка приподнялось. Папа-Джанго сделал еще шаг назад. Его лицо покрылось мертвенной бледностью. В том, что незванные визитеры не шутили, сомневаться не приходилось. Как только отпущенные четыре минуты истекут, сидящий в кресле мужчина спустит курок. Без колебаний. И никакие мольбы его не остановят. Ему нужен был вполне конкретный ответ. И он последовал уже через минуту:

– С кем я должен говорить?

Оружие с глушителем вновь легло на подлокотник кресла.

– Ты не только сообразительный, Папа-Джанго, но и умный. – Правая рука Шершня нырнула в карман куртки и извлекла из него пачку сигарет. Взгляд уже сделался не таким колючим и враждебным. – Я люблю умных людей. И уважаю. С ними меньше мороки. Так всегда говорил мой отец, Царство ему небесное... С тобой свяжется человек, Папа-Джанго. Скорее всего, завтра. Его зовут Даниил. Он позвонит тебе и сделает шикарное предложение. Даже если у тебя останутся сомнения, я все равно советую согласиться. Из чувства самосохранения... В противном случае мы с ребятами вернемся, и никаких разговоров уже не предвидится. Твой труп будет плавать в такой же бордовой луже крови, как и тот, что сейчас в холле. Ты ведь не хочешь этого, дорогой?

– Не хочу.

– Тогда поговори с Даниилом. И сделай все возможное, чтобы он в тебе уже не сомневался. Просто доверься ему. Хорошо?

– Да... Хорошо...

– Вот и славно.

Шершень поднялся с кресла. Свинтил со ствола глушитель и сунул «глок» за брючный ремень с широкой пряжкой, украшенный знаком Бэтмена. Труба очередным глотком ополовинил бутылку с минералкой. Кол криво ухмыльнулся.

Гуров спустился на эскалаторе вниз, но человек, с которым у него была назначена встреча, так и не объявился. Сыщик сверился с наручными часами, неудовлетворенно покачал головой и прошел к ближайшей незанятой скамейке. Большая часть пассажиров двинулась на посадку. Пожилая дама в ярко-оранжевом плаще и экстравагантной шляпке с гигантскими страусиными перьями на секунду остановилась рядом с полковником, хотела было занять место на скамейке слева от него, но в последний момент передумала. Перевесив сумочку на другое плечо, она отправилась дальше. Гуров проводил ее взглядом.

– Привет, сыскарь. – Появление мужчины в просторных спортивных трико и пестрой толстовке с капюшоном осталось для сыщика незамеченным. Мужчина словно материализовался из воздуха. – Думал, я не приду? А я – вот он... Как по заказу.

– Опаздываешь, – откликнулся Гуров. – А отсутствие пунктуальности – плохое качество. Иногда оно может стоить и жизни. Подумай на досуге.

Мужчина опустил на скамейку. Накинутый на голову капюшон толстовки скрывал большую часть лица. Глаза прятались за круглыми солнцезащитными очками с зелеными стеклами. Подбородок и щеки покрывала слегка посеребренная сединой трехдневная щетина.

– Я не опаздывал, я уже давно тут, – ответил мужчина. – И срисовал тебя сразу же, как ты появился, сыскарь. Но решил сначала удостовериться, что за тобой нет «хвоста».

– Мне кажется, ты в детстве чересчур много смотрел фильмов про шпионов, – поморщился полковник. – Отсюда и новый образ? Да? Думаешь, в костюме престарелого тинейджера ты менее заметен, чем в черном плаще и шляпе?

– Элементарная конспирация.

– На тебя пялятся все, кому не лень, не хватает только таблички на груди: «Шпион».

– Ты забил мне сегодня стрелку, чтобы постебаться над моим прикидом и моими методами? Или есть повод посерьезнее? Если есть, то переходи уже к сути, сыскарь. У меня не так уж много свободного времени...

– Кто такой Даниил? Знаешь его?

– Поставщик сдал?

Гуров сделал неопределенный жест рукой.

– «Сдал» – это громко сказано, – со вздохом признался он. – Будем считать, что имя Даниила было не раз упомянуто в ходе допросов. Как некая таинственная личность, которая распределяет товар и ведет переговоры с дилерами конкурирующих группировок.

– Это правда, – кивнул мужчина. – Весь «мет» Блеклого проходит через руки Даниила. Ни одна сделка не совершается без его ведома... Но если ты ждешь, что я подскажу тебе, как отыскать этого человека, то напрасно. Я сам его никогда не видел. Система конспирации у Блеклого на высоком уровне. А Даниил в системе.

– Мы нашли на него кое-какой выход, – поделился информацией Гуров. – Через родного брата...

– У Даниила есть брат? Я не знал об этом.

– Есть. И он работает «бегунком» на Богдана. Вопрос в другом. Насколько Даниил ключевая фигура в бизнесе Блеклого? Они знакомы лично?

– Уверен, что да.

– То есть наверняка ты не знаешь?

– В том, что касается Блеклого, никто ничего не может знать наверняка, – выразительно хмыкнул мужчина. – И я уже не раз говорил тебе об этом, сыскарь. Но Даниил – фигура ключевая. Если есть возможность взять его – берите. Берите и трясите как грушу. А я пока попробую подобраться к Блеклому с другой стороны. Через Марафонца.

– Пока безуспешно?

– В общем-то, да. Иерархическая лестница – штука непростая. А я всего лишь пешка, товарищ полковник... Вы уж не обессудьте...

– Я понимаю, – скупно откликнулся Гуров, в очередной раз критически окидывая взглядом тинейджерский прикид собеседника, так дико гармонирующий с его седой небритостью. – И все же надо поторопиться. Это в наших с тобой общих интересах.

С этими словами он поднялся на ноги, не прощаясь, двинулся к эскалатору и быстро растворился в толпе.

Короткие узловатые пальцы с обломанными ногтями прекратили тасовать карты, на мгновение замерли в воздухе, а затем мягко опустили колоду на край стола. Большие водянистые глаза неопределенного цвета взглянули на Даниила поверх квадратных очков.

– Сколько мы продали за последнюю неделю? – Как и всегда, Блеклый был предельно сух и лаконичен. И привычно обращался к собеседнику, не упоминая имени.

Даниил откашлялся. Он не любил подобных посиделок за пустым круглым столом, как в рыцарские времена короля Артура. Его гораздо больше устраивали встречи с боссом тет-а-тет, а не в присутствии бывшего гэрэушника Игоря Александровича, молча поглаживающего свой гладко выбритый квадратный подбородок, и этого вертлявого, постоянно встречающего в беседу паренька, имени которого Даниил даже не знал.

– Двадцать семь килограмм.

– Че-то не так охрененно, как хотелось бы, – живо вскинулся паренек и облизал губы. Догадаться о том, что он находился под кайфом, не составляло труда. – Хило впариваете, дядя. Мы за ту же неделю варим почти в два раза больше. Куда нам такой дикий остаток? Самим убиваться до одури? Сколько мы варим, Блеклый? Скажи ему точно.

Блеклый коротко покосился на парнишку, но ничего не ответил. Молча перевернул верхнюю карту лежащей перед ним колоды. Это оказалась дама червей.

– Действительно, мало, – машинально перевернул он еще одну карту. Семерку пик.

– Мы расширяемся. Прибираем к рукам точку за точкой. Все идет по плану, Блеклый. Как и договаривались... Ты сам не раз говорил, что нам нужен объем, но при этом не стоит пороть горячку...

– Это правда. Сколько у нас сейчас?

Следующей перевернутой картой оказалась червовая десятка.

– Точек? – уточнил Даниил.

– Да каких, к хрену, точек? – шмыгнув носом, взвился парнишка с внешностью наркомана. – Вот нам пригорели твои точки!.. Ты еще по количеству «бегунков» нам доложишь. В задницу нам такая информация не уперлась! Блеклый интересуется, сколько у нас на данный момент крупных дилеров, контролирующих сбыт товара. Я прав, Блеклый?

– Я сам разберусь, – не поворачивая головы, откликнулся тот.

– Ну, сам так сам, – нервно дернулся парнишка. – Я же помочь хотел только... Так сказать, внести ясность.

На некоторое время в комнате повисла непродолжительная пауза. Даниил в очередной раз прочистил горло. Хотелось водички, но круглый стол для заседаний был пуст, не считая колоды карт перед Блеклым.

– У нас шесть крупных дилеров. На данный момент... Под ними еще человек восемь-девять, помельче рангом...

– Этого мало, – покачал головой Блеклый и перевернул следующую карту. Валет пик.

– Я работаю с тем материалом, который мне поставляют, – моментально оправдался Даниил, слегка распуская тугой узел галстука под воротом белоснежной рубашки. – Как только есть подходящий кадр, я моментально беру его в оборот. И осечек не допускаю. А остальные вопросы... – Он покосился в сторону сидящего по правую руку от него отставного гэрэушника. – Вот... К уважаемому Игорю Александровичу.

– У нас тоже работа по плану, – ответил тот, не меняя позы и не переставая «насиловать» крепкими пальцами квадратный подбородок. – Ребята Марафонца раз в три дня неизменно распечатывают точку конкурентов. Никто не филонит, это я гарантирую. Другое дело, что не все идут на контакт... Но в этом случае, как ты и велел, Блеклый, мы не чураемся кардинальных мер. Либо с нами, либо в деревянный бушлат. Третьего не дано...

– На всех бушлатов не напасешься, – опять вклинился парнишка. – Нам не мертвяки нужны, генерал, а живые сотрудники. Если всех повалите, кто работать будет? Блеклый, скажи! Мы че, кровавую баню в столице развести хотим?

– Если нет иного выхода...

– Че? Какого выхода? О чем вообще базар, генерал? Я не вкуриваю. Мы, типа, дело хотим наладить или тупо пошмалять направо и налево? Ты слышал, о чем речь идет? Производство «мета» превышает процесс сбыта...

– Помолчи немного! – негромко, но жестко произнес Блеклый и, перевернув новую карту, накрыл ее сверху ладонью. Затем смешал всю колоду. – Десять часов утра, а ты уже обдолбался так, что мать родную не узнаешь.

– Так я же, типа...

– Я сказал, помолчи!

Блеклый перетасовал карты. На среднем пальце правой руки поблескивала массивная золотая печать.

– Я поговорю с Марафонцем, – спокойно изрек Игорь Александрович. Нападки молодого наркомана не произвели на него никакого впечатления. Он словно и не заметил их. – Пусть его парни действуют поактивнее. Хотя бы один налет в два дня.

– Может, мне поговорить с ним лично? – предложил Блеклый.

– Не стоит, – покачал головой Игорь Александрович. – Пусть все идет как идет. Зачем тебе лишний раз «светиться» перед незнакомым человеком, Блеклый?

– Ты ему не доверяешь?

– Я никому не доверяю. Об этом мы и говорили с тобой с самого начала. Припоминаешь?.. Но дело даже не в доверии к Марафонцу или к кому-то другому конкретно. Ситуация накопилась в целом. Конкуренты стоят на ушах. Мне сказали, что они даже обращались за помощью к Святому. И что-то подсказывает мне, что он примет решение не в твою пользу...

– Я не боюсь Святого, – презрительно дернул верхней губой Блеклый. Он снял с колоды верхнюю карту и удовлетворенно кивнул. На стол перед ним лег пиковый туз. – Я вообще никого не боюсь.

– Я понимаю... Но осторожность сейчас будет кстати как никогда. Накал страстей нешуточный, Блеклый. Мы все понимали, что рано или поздно это случится... И вот время настало. Так что... – Игорь Александрович сцепил пальцы в замок. – Без обид, но давай сейчас каждый будет заниматься своим делом. Как профессионал профессионала, ты меня должен понять. Добро?

Блеклый скупно улыбнулся уголками губ. Машинально снял с «шапки» колоды еще одну карту и, уже не глядя, бросил ее перед собой.

– Добро! Но держи меня в курсе.

– Само собой.

– И усилие давление. Мне нужна более развернутая сеть. Гораздо более развернутая. К концу года в Москве не должно остаться на рынке никакого другого товара, кроме нашего. А варить... Варить мы можем и больше. А сейчас мне нужна реализация пятидесяти килограммов в неделю. Или хотя бы сорока пяти. Добейтесь этого. Обращаюсь к вам обоим.

Блеклый попеременно ощупал взглядом лица Даниила и Игоря Александровича. Те молча кивнули в ответ.

– Я вас слушаю, господа. – Ноздри генерала свирепо раздувались, как у готового выпустить смертоносный огонь Змея Горыныча, но он старался говорить спокойным ровным голосом. Такой подвиг давался ему непросто. – Я вас слушаю самым внимательнейшим образом. И при этом очень надеюсь на положительные новости. Так сказать, на то, что вам удастся меня порадовать. Так и будет? А?

Он обвел хмурым взором всех присутствующих. Сотрудников за генеральским столом собралось трое. По правую руку от Орлова расположился полковник Гуров, по левую – капитан Алябьев и майор Поликарпов. Никто из них не спешил вступать с генералом в дискуссию. Каждый прекрасно понимал, что Орлов готов взорваться в любую минуту. Об этом свидетельствовало множество факторов: и демонстративно застегнутый на все пуговицы парадный китель Петра Николаевича, что случалось крайне редко, и покрасневшее круглое лицо, и опасно вздутая на шее пульсирующая вена. А главное, стараясь справиться с собственными эмоциями и не дать им выхода, Орлов за последние полторы минуты осушил три полных стакана минеральной воды. Налил себе четвертый.

– В чем дело? – Пальцы свободной руки забарабанили по столешнице. – Я недостаточно четко выразился? Или вы со мной в молчанку играть удумали? Лев Иванович? – Гуров традиционно был выбран в качестве первой жертвы.

– Никак нет, товарищ генерал.

– Тогда чего отмалчиваемся? Я жду доклада, господа. И повторюсь: мне очень хотелось бы услышать позитивные новости. Таковые имеются?

– Не совсем, – уклончиво ответил Гуров. – Работа ведется, товарищ генерал, и ведется в нужном направлении. Но, к сожалению, какая-либо конкретика в расследуемом нами деле пока отсутствует...

– Все это я слышу вторую неделю, Лева, если не третью... Но в целом ничего не меняется. Я правильно понимаю?

– Ну...

– Вы что там, баклуши бьете? – Вена на шее генерала вздулась еще сильнее, но он продолжал удерживать себя в рамках, на нецензурную лексику не переходил. А ведь бывало и такое. – Хотите знать, откуда мне уже поступают звонки? С самого-самого верха! – вскинул он указательный палец над головой. – Выше не бывает, господа сыщики! С аппарата президента звонили. Вот! Спасибо еще, что он сам лично пока не соизволил взять ситуацию под контроль... Говорят, что такого разгула преступности в Москве аж с девяносто четвертого года не наблюдалось. Мы что, возвращаемся к анархии?..

– Никак нет, товарищ генерал. В скором времени ситуация стабилизируется. Я лично гарантирую.

– Да ну? – криво усмехнулся Орлов. – А «в скором времени» – это когда? На какие сроки мы можем рассчитывать, полковник? В течение года управитесь?

– Мы нащупали след...

– Это я тоже уже слышал. Неоднократно.

– А по мне, пусть все так и будет, – негромко буркнул себе под нос Поликарпов, но генерал расслышал его реплику.

– Что? Что вы сказали, майор?

Поликарпов на мгновение ступешался, осознав, что брякнул лишнего, коротко бросил взгляд на сидящего рядом Алябьева, словно ожидая поддержки от товарища, понял, что не дожидается ее, и, обреченно вздохнув, произнес:

– Простите, товарищ генерал, я лишь хотел сказать, что чем больше преступников перестреляют друг друга, тем нам лучше. Мороки меньше, а мир, безусловно, станет чище... Но это я... сгоряча, товарищ генерал, на эмоциях. Еще раз прошу прощения за несдержанность...

Поликарпов, высказавшись, уткнулся взглядом в стол. В кабинете воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая лишь тяжелым посапыванием Орлова. Гуров расправил плечи. Он понимал, что, как это ни парадоксально, но слова майора заметно разрядили обстановку. Накал уже был не тем.

– «Сгоряча», – мрачно процитировал генерал Поликарпова. – Я понимаю, что сгоряча... Все мы на взводе... Но вы должны понимать, господа, что пустить ситуацию на самотек нам никто не позволит. Сейчас, слава богу, давно уже не девяностые. От нас... От всех нас ждут конкретного результата. И этот залетный метамфетаминщик со своей бандой отморозженных головорезов должен быть обезврежен и призван к порядку. К порядку! Понимаете?

– Так точно, товарищ генерал! – машинально откликнулся Поликарпов.

– Ну а что за след вы нащупали? – Вопрос Орлова был обращен непосредственно к Гурову.

– След довольно призрачный, товарищ генерал, – вынужден был признаться Лев. – Но, как говорится, попробуем зацепиться. Конспирация у метамфетаминского короля по кличке Блеклый поставлена на высоком уровне. Но... Мы почти подобралась к одному из его доверенных лиц. Некто Даниил. Фамилия нам пока неизвестна. Человек работает напрямую с крупными дилерами...

– Есть приметы? Описание? Фоторобот?

– Смутные. Но есть четкое описание родного брата этого человека. И место, где его можно найти. Таким образом рассчитываем выйти и на самого Даниила...

– Сроки? – деловито осведомился Орлов.

– Оперативники круглосуточно ожидают его появления в условленном месте. Я рассчитываю на задержание если не сегодня, то как минимум завтра.

– Кто ответственный за задержание?

– Я, товарищ генерал, – впервые за все время своего присутствия в кабинете подал голос капитан Алябьев. – Ситуация полностью находится под нашим контролем.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул Орлов. Пульсирующая вена на его могучей шее исчезла. Лицо приобрело нормальный оттенок. Генерал успокаивался так же быстро, как и вспыхивал. – Какие еще имеются зацепки или наработки?

– К сожалению, в остальном все не так уж обнадеживающе, товарищ генерал. – Гуров положил обе руки поверх увесистой папки темно-зеленого цвета. – Мы накрыли крупную партию метамфетамина, произвели ряд задержаний, но допросы не принесли существенных результатов. Личность Блеклого остается такой же таинственной, как и прежде... Но, как я уже говорил, работа ведется...

– Информаторы задействованы?

– Само собой. Но...

– Но пока тоже ничего, – догадался Орлов. – Верно?

– Увы. Конкретики нет.

Генерал сокрушенно вздохнул. Тяжело поднявшись на ноги и обойдя вокруг стола, он остановился у окна спиной к подчиненным. Робкие холодные лучики солнца осветили его покатым лоб.

– Эх, парни, парни. – Только глядя сзади на слегка осунувшиеся плечи Петра Николаевича, можно было судить, насколько сильно он сдал за последнее время. Как физически, так и эмоционально. Но подчиненные знали, что генерал никогда в жизни не покажет своей слабости. Даже в кругу близких ему соратников. – Что вам сказать?... Вы и сами все знаете... Сроки поджимают. Если что, шапки с нас со всех посшибают. Дружно... Ученого учить – только портить, как известно, но я все же рискну. – Орлов обернулся. – Сейчас все дела на второй план, и вплотную занимайтесь группировкой этого Блеклого. Работайте в два раза интенсивнее. В три! В четыре, если понадобится! Но достать его нужно непременно! От меня помощь какая-то нужна?

– Пока нет, – улыбнулся Лев.

– А чего тогда сидим? – нахмурился Орлов. – Или установка не ясна? Работать интенсивнее! И это... Гуров! – окликнул он полковника уже на выходе из кабинета. – Докладывать мне по обстановке дважды в день. Утром и вечером. А если какие-то подвижки, то даже внеурочно.

– Вас понял.

Гуров намеренно задержался на пороге, видя, что генерал собирается спросить еще что-то, но выжидает. Алябьев и Поликарпов уже вышли, и он мягко прикрыл за ними дверь. Орлов отлепился от окна, вплотную приблизился к нему и, понизив голос до шепота, спросил:

– А что наш человечек, Лева?

– Трудится.

– Ты видишься с ним?

– Регулярно, товарищ генерал. Как любит выражаться капитан Алябьев, «ситуация под контролем».

Орлов хотел что-то ответить на это, но передумал и лишь сокрушенно покачал головой.

– Его арестовали?

– Нет. Еще нет... Но это вопрос времени. Вы уж извините, Даниил... как вас по батюшке?

– Просто Даниил. Не нужно никаких отчеств.

– Лады. Так вот... Вы уж извините, Даниил, но ваш брат – фигура чересчур заметная. Не найти его будет крайне сложно. К тому же следствие располагает информацией, где он толкает

свой товар. В Раменском переулке уже засада. Малюта, правда, там еще не появлялся, но... Во-первых, он непременно там нарисует, а во-вторых, если операм надоест ждать, они сообразят поспрошать народ о неполноценном «бегунке»...

– Не называй его так! – Глаза Даниила недобро блеснули.

Мимо припаркованного у обочины бордового «Опеля», в салоне которого расположились двое мужчин, промчался одинокий автомобиль, выхватив из темноты конусами фар обшарпанный фасад здания. Человек в стального оттенка пальто машинально прикрыл ладонью огонек тлеющей сигареты. Сработал годами выработанный рефлекс.

– Извините, я не хотел никого обидеть. Просто пришлось к слову... – сказал человек, одетый в пальто стального цвета и сидевший рядом с Даниилом. – Короче, решать вам. Я лишь пытаюсь обрисовать ситуацию. А она выглядит следующим образом. Ни имени, ни фамилии вашего брата никто не знает, только кличку. Домашний адрес также нигде и никем не засвечен. Но очень многие знают места, в которых он бывает. Бары, стрип-клубы, сауна на Астраханском шоссе... Ну, и так далее... Вы ведь все эти места и сами знаете. И другие знают. Так что если его не заметут на точке, то в одном из вышеперечисленных мест – точно. – Мужчина помолчал и добавил: – А дальше прямой выход на вас, Даниил. Расколоть Малюту Скуратова будет несложно...

Даниил дернулся так, словно собеседник ткнул его заточкой под ребра. Зубы предательски скрипнули друг о друга. Он понимал, к чему клонится разговор. Понимал, но не хотел до конца в это верить.

В салоне «Опеля» воцарилась тишина. Даниил принимал нелегкое для себя решение. Мужчина на пассажирском сиденье не торопил его, хотя прекрасно понимал, каким в итоге будет это решение. Или, во всяком случае, каковым оно должно быть.

– А если вывезти его из города? – Даниил все еще колебался. Цеплялся как утопающий за соломинку. – Навсегда?

Мужчина покачал головой и бросил ленивый взгляд в боковое зеркало. В конце проулка обозначилась невысокая фигура человека, но он шел ровно, не прихрамывая.

– Не получится. Если Малюту не обнаружат в течение трех дней, вывод будет очевиден – он покинул столицу. И тогда начнут копать в этом направлении. Непременно начнут. Задействуют железнодорожные и автовокзалы, аэропорты, посты ГИБДД на выездах... Шерстить будут нешуточно... А я рискну повторить, Даниил, ваш брат – фигура слишком заметная, не проскочишь.

– Стало быть, иного выхода нет? – В голосе Даниила прозвучала неприкрытая обреченность.

– Увы. Мне жаль... Поверьте, искренне жаль. – На самом деле мужчина в пальто не испытывал и намека на сожаление, и это чувствовалось. – К тому же... Давайте будем откровенны до конца, Даниил. По-хорошему, мне следовало бы поставить в известность Блеклого. Ну, о сложившейся ситуации с вашим братом... Но я не могу этого сделать по причине того, что у меня нет на него прямого выхода. Если же вашего брата все-таки возьмут, Блеклый непременно узнает об этом. Узнает настолько своевременно, чтобы успеть обрубить все нити, ведущие непосредственно к нему. Вы ведь понимаете, о чем я?

– Понимаю. Прекрасно понимаю.

– То есть в настоящий момент вопрос стоит просто... Ребром, так сказать... Либо ваш брат сейчас, Даниил, либо чуть позже, но уже вы сами. Я говорю это вам как друг. Поверьте.

– Да понял я, понял, – раздраженно откликнулся Даниил. – И очень ценю твою заботу обо мне.

– Напрасно иронизируете, между прочим. Мы в одной лодке, и потому...

– Все! Заткнись! Я лучше тебя знаю, кто в какой лодке, и держу ситуацию под контролем.

– Рад это слышать, – невозмутимо проговорил мужчина в пальто.

Мимо них проскочила еще одна машина, а практически следом за ней в проулок свернул человек, прихрамывающий на правую ногу. Оба пассажира «Опеля» заметили его приближение в боковых зеркалах. Человек был не выше ста семидесяти сантиметров, его слегка покачивало из стороны в сторону, и он громко насвистывал какую-то неразборчивую мелодию. В левой руке припозднившегося гуляки была зажата пивная бутылка, которой он размахивал, как национальным флагом, удерживая за самое горлышко. И без того невеселое лицо Даниила сделалось мрачнее тучи. Он мог бы узнать этого человека из тысячной толпы. Узнал его и мужчина.

– Хотите, я разберусь? – услужливо предложил он, и его рука нырнула в карман.

– Нет, – недовольно покосился на собеседника Даниил. – Я сделаю это сам. Все в порядке... Я справлюсь.

– Как знаете. Воля ваша.

Хромоногий человечек продолжал двигаться в их сторону. Его свист становился все более и более пронзительным. Кепка-восьмиклинка с потертым от времени козырьком съехала набок. Ему оставалось преодолеть метров пятьдесят, чтобы поравняться с бордовым «Опелем». Даниил распахнул дверцу со стороны водителя и шагнул на грязный асфальт. Хромоногий резко остановился, словно наткнулся на невидимую преграду, и подозрительно прищурился. Пивная бутылка взметнулась над головой, символизируя уже не флаг, а грозное оружие самообороны.

– Э-это кто та-ам? – заикаясь и растягивая слова, протянул он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно более устрашающе. – Че-его на-адо? На-апасть хоти-ите? Так я, э-это... Простой так не сда-амся. Хря-япну по кумполу, и а-абзац! Я шу-уток не лю-люблю! Я-ясно? Выходи по о-одному! Ну!

– Малюта, это я. Не нервничай, – нервно сглотнув, произнес Даниил.

– Да-аник! Э-это ты? Неожиданно! Неожиданно, но... приятно. Во-от так сюрприз! – Хромоногий отшвырнул бутылку в сторону и радостно раскинул руки в знак приветствия. – А я те-ебя по кумпо-олу хотел... Вот сме-еху бы было! Ты же зна-аешь, я шу-уток не лю-люблю...

– Знаю, Малюта, знаю.

Братья крепко обнялись, однако Даниил ощутил, как при этом предательски задрожали кончики пальцев, и закусил губу. Хлопнула вторая дверца «Опеля». Мужчина в пальто обогнул автомобиль и зашел Малюте Скуратову за спину. Парнишка обернулся. В его взгляде вновь появилась настороженность.

– А э-это кто с то-обой, Да-аник?

– Друг. Все в порядке, Малюта, тебе не о чем беспокоиться...

– Да-а? А за-ачем вы здесь? С дру-угом? – Острый и тонкий, как змеиное жало, язык коротко пробежался по пересохшим потрескавшимся губам. – В та-акое время? Что-о-то случилось? Да?

– Да. У меня к тебе серьезный разговор, братишка.

– Та-ак го-овори. То-олько по делу. Ты же зна-аешь, я шу-уток не лю-люблю...

– Знаю, Малюта, знаю. – Даниил почувствовал, как к горлу подкатил ком, но усилием воли проглотил его. – На тебя вышли легавые.

– На ме-еня? – искренне удивился Малюта.

– Да. И им известно, что ты – мой брат.

– Э-это плохо. – Парнишка нелепо дернул сразу обоими плечами и почему-то робко улыбнулся: – Пло-охо? Да?

– Очень. Ты ведь знаешь, как я люблю тебя, Малюта?

– Зна-аю, Да-аник...

– Но при этом я замешан в очень серьезном бизнесе. Об этом ты тоже должен знать...

– Ко-онечно. Я зна-аю.

– И я не могу рисковать, братишка. Не имею права. Надеюсь, ты поймешь меня... И простишь...

Малюта растянул губы в глупой улыбке.

– Я по-ойму. Да-а... То-олько пока не по-онимаю, о чем ты, Да-аник... Го-овори толком. Ты же зна-аешь, я шу-уток не лю-юблю...

– Знаю.

Даниил наконец решился. Дуло пистолета с навинченным на него глушителем ткнулось Малюте в грудь, указательный палец лег на спусковой крючок. Лицо Даниила было таким бледным, словно его обсыпали мелом. Мужчина в пальто не отрывал от него глаз. Малюта медленно опустил взгляд и заметил оружие. Зрачки его удивленно округлились.

– Ты хо-очешь в меня стреля-ять, Даник? – В голосе парнишки не было страха, только растерянность. – Стреля-ять мне в се-ердце? Да? Но э-это же бо-ольно... З-ачем ты хо-очешь делать мне бо-ольно, Да-аник?

– У меня нет выбора, братишка. Я не имею права... Я должен.

Палец на спусковом крючке побелел от напряжения, но Даниил все еще медлил. Мужчина в пальто, стоящий за спиной Малюты, негромко чертыхнулся.

– До-олжен кому? Я не-е понима-аю. И не-е лю-юблю шу-шутки, Да-аник... Ты...

Парнишка так и не успел закончить начатой фразы. Мужчина в пальто стального оттенка сделал крохотный шаг вперед, молниеносно выудил из кармана пистолет, приставил дуло к виску Малюты и выстрелил. Кровь, вперемешку с мозгами, брызнула на асфальт. Жертва рухнула рядом с передним колесом «Опея».

– Какого черта?! – навел ствол на мужчину в пальто Даниил. – Я же сказал, что сам справлюсь. Сам! Я должен был сам!

– Я понимаю, – спокойно проговорил тот, словно и не заметил оружия в руках визави. – Но мне показалось, что мелодрама слишком затянулась. Могли появиться свидетели. Я лишь ускорил процесс, только и всего. Откройте багажник, Даниил. Нужно поскорее избавиться от тела. Вашего брата не должны найти ни при каких обстоятельствах. Даже мертвым.

Даниил не шевелился. Его оружие все еще было направлено на мужчину в пальто.

– Или стреляйте, или откройте багажник, – тяжело вздохнул тот. – Только примите решение быстро.

Пистолет опустился дулом вниз. Свободной рукой Даниил пошарил в кармане собственной куртки, достал ключи и бросил их мужчине в пальто, избегая касаться взглядом распластанного под ногами тела брата. Мужчина молча кивнул, собственноручно открыл багажник, вернулся и легко, как пушинку, взвалил тело Малюты себе на плечо. Даниил занял место за рулем «Опея» и зажмурился. В голове все еще звенели слова брата: «Я не люблю шуток, Даник, ты же знаешь». Из состояния ступора его вывел стук по стеклу. Рядом с водительской дверцей стоял мужчина в пальто.

– Двигайтесь, – спокойно предложил он, я поведу.

Даниил машинально подчинился, даже не задумываясь о том, что делает, и переместился на пассажирское сиденье, а мужчина занял место водителя и произнес:

– Я понимаю ваши чувства. Честное слово, поверьте, Даниил, это не пустые слова. Мне самому довелось пережить нечто подобное. Еще в начале девяностых... – Он расстегнул сначала пальто, затем пиджак и за ним темно-синюю рубашку. Развернулся, демонстрируя Даниилу обнаженный торс, и ткнул указательным пальцем под сердце, в ту точку, где располагался характерный шрам от пулевого ранения. – Это не бандитская пуля. И не память о чеченской кампании. Это сделала девушка, которую я любил. И с которой прожил вместе более десяти лет... Случилось так, что она узнала обо мне кое-что. Нечто, что разрушило бы мою жизнь... Мою карьеру... И упрятало бы меня в тюрьму лет на двадцать, не меньше... Я должен был

сделать то, что вы сегодня, Даниил, сделали. Избавиться от дорогого и любимого человека. Но я смалодушничал. Заколебался, дрогнул рукой и сердцем... А она нет... Думаю, она не хотела меня убивать... Она просто испугалась. Выхватила мой ствол и выстрелила в меня... Я чудом остался жив. Но этот шрам... Он как живое напоминание о том, что нельзя колебаться ни при каких условиях, даже если речь идет о близких. Только твоя собственная жизнь бесценна, а остальные – нет. Я запомнил это раз и навсегда... Хотите знать, что стало с той девушкой?

Даниил не ответил. Он сидел и молча разглядывал ногти на пальцах правой руки.

– Она спряталась. Уехала из города. Она не собиралась выдавать меня. Ни тогда, когда узнала, ни после... Но ведь в любой момент она могла передумать, верно? Ничто нельзя гарантировать наверняка. На сто процентов. Я не мог рисковать, поэтому нашел ее и убил. Так и должно было быть. И никак иначе. Это карма.

– И что с ним будет теперь? – Даниил так и не поднял головы.

– С кем?

– С моим братом. Вернее, с его телом...

– Вы уверены, что хотите знать? – не сразу ответил мужчина.

– Да. Я уверен.

«Опель» выкатился из проулка и, свернув на Казанскую, легко вписался в общий поток транспорта. Вечерняя Москва, освещенная множеством огней и неоновых реклам, выглядела традиционно праздничной.

– Его не должны найти. И не найдут, – слегка нахмурившись, произнес мужчина в пальто. – Мы расчленим его и по частям отправим в реку. На самое дно... Теперь, надеюсь, в полной мере удовлетворил ваше любопытство?

Пригнув голову, чтобы не задеть темечком о низкую притолоку квадратного арочного проема, Гуров первым шагнул из прихожей в комнату. Цепко огляделся по сторонам. Четыре трупа. Все четверо мужчин славянской внешности погибли в результате огнестрельных ранений. Один, сидя в глубоком кресле, получил две пули в грудь, второй растянулся на полу справа от него, неестественно извернув руку с зажатым в ней «Магнумом», и еще двое лежали чуть в стороне, возле запыленного окна.

Гуров достал из кармана скомканный носовой платок и шумно высморкался. Его вновь начало немного познабливать. Простуда, первые признаки которой обнаружились у полковника еще вчера утром, не желала сдаваться без боя.

– Выпейте таблетку, Лев Иванович, – посоветовал Алябьев, остановившись на фоне арочного проема. – У меня есть. Жаропонижающее и противовирусное. Как говорится, в одном флаконе... Будете?

– Позже, Рома, – машинально откликнулся Гуров. – Чуть позже. Спасибо.

– А чего тянуть-то? Вам же сразу легче станет...

Но полковник уже не слушал его. Пройдя в центр комнаты, он склонился над расположившейся в кресле жертвой. Широко распахнутые карие глаза смотрели в пустоту. Одна рука лежала на подлокотнике, вторая безвольно свисала к полу. На мужчине была коричневая замшевая куртка, надетая поверх черной водолазки. Лев осторожно просунул руку во внутренний карман куртки убитого и нащупал документы.

– Ух ты! – раздался за спиной бодрый голос майора Поликарпова. На правах старшего по званию он потеснил Алябьева и перешагнул порог. – Кто-то нешуточно порезвился. А, Лев Иванович?

– Тебя это забавляет, Дима? – недовольно буркнул Гуров. – А вот я, напротив, ничего веселого в этом не вижу. И, думаю, генерал тоже согласится с моей точкой зрения.

– Да я не веселился, Лев Иванович. Я просто...

Полковник раскрыл паспорт убитого. Согласно документам, человека в кресле с двумя пулевыми ранениями при жизни звали Антоном Михайловичем Колосковым.

– Знакомые все лица, – вновь подал голос Поликарпов.

– Знаешь его?

– Его – нет, – покачал головой майор. – А вот с этим... – указал он пальцем на человека с «Магнумом», – с этим встречаться приходилось. Это некто Валерий Молчалин. Кличка – Молчун. Я брал его полгода назад за нанесение тяжких телесных повреждений. Один наркоман задолжал ему кучу денег. За товар, полагаю. Молчун явился к нему на дом и избил парнишку до полусмерти. Тот в больничке чуть Богу душу не отдал. Но повезло. Как это ни парадоксально, Лев Иванович, наркоманы – народ живучий. Если, конечно, речь не идет о передозе. А побои и все такое... Это им как мертвому припарка. Мать того парнишки опознала Молчалина и накатала на него заяву. Но через пару дней отозвала обратно. Припугнули, скорее всего. Пришлось его отпустить... Молчун – человек Гремлина. Давно на него работает. Вернее, теперь уже можно сказать – работал... Верно? А этот кто?

Гуров зябко поежился и передал Поликарпову паспорт убитого.

– Антон Колосков.

– Колос, – кивнул майор. – С ним лично не встречался, но слышать приходилось. Тоже человек Гремлина. Один из крупных дилеров.

– Выходит, опять люди Блеклого устроили тут мясорубку, – негромко произнес Алябьев. – По-хорошему договориться не получилось, вот и... Прежняя схема. Вы правы, товарищ полковник. Генералу Орлову это очень не понравится.

– Дай-ка мне все-таки свою чудо-таблетку, Рома, – попросил Лев и снова высморкался. – И ведите этого... который звонил. Пусть попытается прояснить ситуацию. Что с экспертами?

– Бригада уже в пути, – доложил Поликарпов.

– Хорошо.

Гуров коротко мазнул взглядом по журнальному столику перед креслом. Рядом с сенсорным «Самсунгом» последней модели лежала свернутая трубочкой десятидолларовая купюра. На гладкой стеклянной поверхности столика можно было заметить микроскопические остатки белого порошка. На противоположном углу сиротливо притулился спичечный коробок.

Алябьев протянул ему таблетку, и он, не глядя, сунул ее в рот.

– Лучше, конечно, водичкой запить, – улыбнулся капитан.

– Обойдусь. Зови звонившего.

Капитан поспешно вышел. А Поликарпов, поравнявшись с полковником, тоже сфокусировал взгляд на журнальном столике. Паспорт Колоскова по-прежнему находился у него в руках.

– Не знаю, кто и с каких позиций стрелял по трем остальным, Лев Иванович... Пусть баллистики выясняют. Но Колоса определенно убил тот, кто занимал во время переговоров место на диване. Согласны?

– Ты думаешь о том же, о чем и я, Дима? – уточнил Гуров. – Спичечный коробок мог быть забыт случайно? И принадлежал он убийце?

– Одному из убийц. Да. Это вполне вероятно, Лев Иванович. И на нем могут быть нужные нам пальчики. – Поликарпов надел перчатку на одну руку, сделал шаг вперед и потянулся к коробку.

– Не надо, – остановил его Гуров. – Пусть сначала эксперты здесь все осмотрят. Вернемся в прихожую.

– Как знаете. – Майор лениво пожал плечами, стянул с руки перчатку и сунул ее обратно в боковой карман пальто.

Оба сыщика покинули комнату. К этому моменту Алябьев тоже вернулся в дом в сопровождении худошавого мужчины лет тридцати пяти, с бледным осунувшимся лицом и запек-

шимися капельками крови на широких «крыльях» ноздрей. На мужчине было потертое расстегнутое пальто, а под ним только мятая майка с выцветшей надписью «Плохого человека Сережей не назовут».

Поликарпов смерил мужчину презрительным взглядом с головы до ног и выразительно хмыкнул.

– Это вы звонили в Управление? – обратился к худошавому Лев.

– Я. Конечно, я, – кивнул мужчина, быстро облизывая губы. Он был под кайфом. – Я еще вчера договорился с Толиком о встрече. Сказал, что зайду утром. Толик ведь тут не каждый день бывает...

– Стойте-стойте! – прервал его Гуров. – Давайте-ка по порядку. И для начала представьтесь.

– Серега я. – Мужчина радостно выбросил перед собой растопыренную пятерню, рассчитывая на рукопожатие сыщика, но его не последовало, а он стушевался. – Ну, то есть Сергей... Сергей Степанович. Сергей Степанович Блок, если уж быть до конца точным.

– Блок? – удивленно изогнул левую бровь Лев. Озноб прекратился, на лбу полковника выступили мелкие бисеринки испарины.

– Да. Фамилия такая, – расплылся в улыбке Серега. – Как у писателя. Который умер уже.

– Как у поэта, – машинально поправил Гуров.

– Чего?

– Неважно. Теперь поясните, кто такой Толик, Сергей Степанович.

– Ну... Толик... Он там... – Слова были подкреплены нервным кивком в направлении комнаты с четырьмя убитыми мужчинами. – Один из «жмуриков». Тот, который у самого окна лежит, если уж быть до конца точным. У него еще полчерепушки выстрелом разворочено. И мозги на подоконнике, скорее всего, тоже его...

– Вы заходили в комнату, Сергей Степанович?

– Так это... – Мужчина запоздало осознал, что сболтнул лишнего, но при этом понял, что отступать теперь некуда. – Я осмотрелся. Да... Прежде чем звонить вам... Слушайте... Давайте я вам все объясню. Я ведь не нарушал никаких законов. Да? Чего мне бояться?

– Мы этого пока не знаем, – ввернул Поликарпов.

– Дело в том, что я немного злоупотребляю... коксом. Не то чтобы я какой-то там «нарик» законченный, а так, знаете ли, люблю побаловаться, если уж быть до конца точным. Какое тут нарушение закона? Да? – Сергей проникновенно заглянул в глаза Гурова. – Я ведь слышал, что по закону употреблять можно... Торговать нельзя. Все так?

– Допустим, – уклончиво ответил полковник.

– Вот. – Короткое «допустим» из уст сыщика неимоверно обрадовало мужчину. Он буквально расцвел. – А Толик... Он торговал. То есть он нарушал закон, но это ведь его личное дело. Я не в ответе за его поступки...

– Давайте ближе к делу, Сергей Степанович, – поторопил его Гуров.

– А... Ну да... Если к делу, то оно так было. Я еще вчера позвонил Толику и попросил его продать мне дозу. Я живу тут неподалеку, в двух кварталах буквально. А Толик ведь не постоянно торгует. Он не всегда и бывает-то тут, если уж быть до конца точным. Может каждый день быть, а может и неделями не появляться. Потому он мне и сказал однажды: «Ты мне предварительно звони, Серега». Я вчера позвонил. Мол, есть че всосать, спрашиваю. А Толик сказал – будет, ему как раз должен дилер крупную партию завезти.

– Вчера должен был завезти? – уточнил Гуров.

– Вчера. Ну, или сегодня утром. Но, скорее всего, вчера, если уж быть до конца точным... На самом деле я не вникал...

– Он упоминал имя дилера?

– Нет.

– А вообще какие-нибудь имена? Клички? Постарайтесь вспомнить ваш вчерашний телефонный разговор с Толиком, Сергей Степанович, – настаивал Гуров, хотя прекрасно понимал, что ничего существенного от такого свидетеля добиться ему не удастся.

Мужчина взъерошил на голове волосы, отчего его внешний вид стал еще более нелепым и затравленным.

– Да не было никакого разговора особо, – признался он. – Говорю же... Я спросил: «Есть че?» А Толик говорит: «Сейчас нет. Но завтра будет. Дилер подвезет». И все... На этом наше, так сказать, общение и закончилось. А чего рассусоливать?

– Понятно, – нахмурился полковник, комкая в кулаке носовой платок. – Ну а что было сегодня, Сергей Степанович? Расскажите о том, как вы обнаружили тела.

– Да обычно обнаружил. Пришел, позвонил в дверь... Никто не откликнулся. А потом смотрю, дверь-то открыта. Ну, я и шашь внутрь. Крикнул пару раз: «Толик! Толик!» Для приличия, если уж быть до конца точным. В ответ опять тишина... Я в комнату прошел... Гляжу – «жмурики». Четыре штуки аж! И один из них Толик. У окна. Рядом со своими мозгами на подоконнике, как я уже говорил. – Сергей сел на табурет, деловито закинув ногу на ногу, и слегка качнулся. Его сознание начинало уплывать все дальше и дальше. В заоблачные розовые дали. – Вот я и решил в ментовку позвонить. Вам то бишь.

– Вы сказали, что заходили в комнату, Сергей Степанович, – напомнил Гуров. – Это так?

– Ну... Было дело.

– Зачем?

– Так это... – Сергей облизал губы – Дело в том, что я немного злоупотребляю...

– Это я уже слышал.

– По закону ведь употреблять можно... Торговать нельзя. Так?

Полковник тяжело вздохнул. Услышал, как справа от него раздраженно засопел Поликарпов. Майор готов был в случае необходимости взять ситуацию в свои суровые руки. Шум двигателя известил сыщиков, что к дому подъехала машина.

– Так. И что же? Ближе к делу, Сергей Степанович.

– Ну, в общем, я подумал... Раз уж мы с Толиком договорились... Раз уж я пришел за товаром... Я ведь за товаром пришел, если быть до конца точным... И я не виноват, что Толик «коньки отбросил» раньше времени... Почему я должен был страдать из-за того, что он скопытился?..

– Что вы сделали, Сергей Степанович?

– Ну... Я забрал то, что мне причитается.

– Ты трогал тело? – не выдержал-таки Поликарпов.

– Влегкую совсем, – покаялся Сергей, не глядя в глаза ни одному из оперативников. – Да и не то чтобы тело, если уж быть до конца точным... Одежду только, которая на Толике была. Я обшманил карманы, нашел дозу... Ну, и всосал немного. По закону ведь употреблять можно? Верно? Я и употребил только... Весь товар, что у Толика в кармане был, не брал. Честное слово. Только на две дорожки... Как мы вчера по телефону и договаривались...

В дом вошли двое экспертов в одинаковых серых плащах, столкнулись взглядами с полковником Гуровым, и тот молча качнул головой в направлении комнаты.

– А где ты употребил свои две дорожки? – Поликарпов коршуном навис над худощавым мужичком. – Не на стеклянном ли столике в той же комнате?

– Ага. На нем, – растянул губы в широкой счастливой улыбке Сергей. – Но «жмурика» в кресле я не трогал, если вы об этом беспокоитесь. Ни в коем случае. Я специально отодвинул его в сторонку. Вместе с креслом.

– А десятидолларовую купюру где взял?

– У Толика. Не в том кармане, где «кокс» был, а в другом. Себе не взял... Я даже хотел было деньги обратно ему в карман засунуть, но вспомнил, что надо ментам звонить. Вам то бишь... И оставил купюру на столике.

– Твою ж мать!

Казалось, еще секунда, и майор перестанет себя контролировать. Пальцы правой руки сжались в кулак. Гуров решил урезонить напарника.

– Ладно. Остынь, Дима, – посоветовал он. – Сходи лучше прогуляйся по соседям. Узнай, может, кто-то что-то видел или слышал. – Лев совершенно утратил интерес к однофамильцу великого поэта. – Как обстоят дела с поисками Малыты Скуратова, Рома? – обратился он к Алябьеву.

– К сожалению, безрезультатно, товарищ полковник. Парнишка как в воду канул. Возможно, его кто-то предупредил, и он покинул город. Прикажете проверить все вокзалы и аэропорты?

– Да. – Гуров шумно высморкался. – Займитесь этим, капитан.

– Чей это дом, Шершень? – Кол снял бейсболку «Найк», протер вспотевшую лысину ладонью и водрузил свой неизменный головной убор на прежнее место.

– Понятия не имею. Марафонец позвонил и сказал, чтобы мы отправлялись по этому адресу. Просто приглядывать. Сутки.

– Сутки приглядывать? – хмыкнул Кол. – За кем? Или за чем?

– Он не сказал. Думаю, он и сам не знает. Приказ поступил сверху, а он спустил его дальше нам. Лишних вопросов я и не задавал, братишка. Сам понимаешь, не наше это дело вопросы задавать. Сказали приглядывать – приглядываем.

– Труба думает, что там коптильня, – донеслось с заднего сиденья.

– Чего? – обернулся Шершень.

Вопреки традициям, соратник сегодня ничего не жевал. Он допивал вторую бутылку пива. Первая, опустошенная, валялась где-то под ногами Трубы. Взгляд боевика был слегка осоловелым.

– Что ты сказал? – пощелкал пальцами у него перед носом Шершень.

– Труба сказал, что там, скорее всего, коптильня. Труба так думает.

Шершень переглянулся с сидящим за рулем «Ниссана» Колом, но тот в ответ только пожал плечами.

– Что такое «коптильня»?

– Ну, метлаборатория, значит, – пояснил Труба. – Временная. Их иногда называют коптильнями. Именно временные. Такие, которые арендуются на пару дней через подставных людей. Там варят партию, а потом сваливают. И никаких концов. Ни один легавый не докопается. Труба работал в таких коптильнях.

– Ты варил «мет»? – удивился Шершень.

– По молодости. По молодости Труба много чего успел попробовать. Но варил – это громко сказано. Труба больше был задействован как подсобник...

Подельники уже не слушали его. Их взгляды были устремлены на небольшой одноэтажный домик с наглухо закрытыми ставнями на окнах. Кол поскреб пальцами подбородок.

– Думаешь, сам босс тут? Блеклый? А, Шершень?

– Думаю, да. Потому Марафонец и отрядил нас присмотреть тут за периметром. Мы, типа, внешняя охрана. На всякий пожарный...

– Вот же ж, твою мать! – восхищенно присвистнул Кол. – Мы в охране самого Блеклого! Прикиньте! Не знаю, как вы, парни, а я прямо-таки чувствую себя большущим человеком. Шишкой на ровном месте, едрит твою налево. – Он слегка сдвинул бейсболку на затылок. – А

нам это... Не следует зайти в дом и проверить, все ли в порядке с боссом? Может, ему, типа, помощь какая нужна...

– Марафонец ни о чем таком не говорил.

– Ну а подгрести поближе? – не унимался подельник. – Мало ли что... Вход в дом с торца, а мы тут, на обочине... А если шухер какой? Можем и не успеть ведь.

– Слушай, брат, – легонько ткнул его кулаком в плечо Шершень. – Давай ты будешь честен и с нами, и с самим с собой. Тебе просто хочется увидеть Блеклого. Да? Его ведь, кроме самых доверенных людей, в лицо никто не знает, а тут такой шанс, грех упускать! Признайся.

– Ну, не без этого. – Глаза Кола азартно блеснули. – Прикинь, как было бы круто поручаться с самим Блеклым. Хотя бы для повышения собственной самооценки, так сказать. Тебе разве не хотелось бы?

– Нет. Меня устраивает все так, как есть. Меньше знаешь – крепче спишь, в натуре. Слыхал такую поговорку, брат?

– Труба слышал, – донеслось с заднего сиденья. – Верно гутаришь, Шершень. Нам лишний гимор ни к чему. Че нам от этого Блеклого? Лично Трубе он в одно место не уперся. Блеклый сам по себе, Труба сам по себе. Верняк.

Шершень никак не отреагировал на его высказывание, лишь в задумчивости прищелкнул языком и произнес:

– Но в одном ты прав, Кол. Нам стоит подрулить поближе, раз такого человека охраняем... Продерни-ка вперед метров на двести. Так, чтобы мы вход в дом могли видеть.

– Есть, бригадир! – с радостью откликнулся Кол, поворачивая ключ в замке зажигания.

«Ниссан» плавно тронулся с места, и в ту же секунду из ближайшего проулка вырулил мощный габаритный «Гранд Чероки» и на крейсерской скорости двинулся навстречу. Природный инстинкт заставил Шершня мгновенно подобраться и выдернуть из-за пояса верный «глок». Времени навинчивать на оружие глушитель не было.

– К обочине! – коротко скомандовал он, с лязгом передергивая затвор.

Кол вывернул руль вправо. Взвизгнули тормоза. «Чероки» шел на таран, но слегка промахнулся. С душераздирающим скрежетом корпус внедорожника прошелся по левому переднему крылу «Ниссана».

– Из машины! Живо! – гаркнул Шершень, первым распахнув дверцу со своей стороны, распластался на грязном асфальте и тут же откатился в сторону.

Кол последовал его примеру, а вот Труба замешкался. «Чероки» остановился в двадцати метрах позади «Ниссана», заднее боковое стекло опустилось, и наружу высунулось короткое дуло автомата. Очередь взрезала предвечернюю тишину. Со звоном разлетелись стекла «Ниссана». Пули свистели над головой Шершня, как рой встревоженных ос. Он откатился еще дальше и слегка приподнял голову. Труба все еще был в салоне.

– Труба!

Подельник только пригнулся на несколько секунд, а затем, вынырнув вновь, трижды выстрелил в сторону «Чероки». Но его действия можно было сравнить разве что со стрельбой из детской рогатки по танку. Пассажиры внедорожника даже не обратили внимания на его вооруженное сопротивление. Автомат на мгновение смолк и тут же застрекотал снова. Труба дернулся, получив пулю в плечо, и пистолет выскользнул из его ослабевших пальцев. Кровь закапала на сиденье рядом с пустой бутылкой из-под пива. Труба удивленно уставился на капли, как на что-то диковинное.

– Из машины! Труба! Ну же! – пытался докричаться до него Шершень, но тот будто бы и не слышал. – Твою мать!

Следом за второй автоматной очередью раздалась третья. Заднее крыло «Ниссана» запылало. Языки пламени жадно облизывали гладкий каркас.

– Ща рванет, епта! – засуетился Кол.

Он вскочил на ноги, дважды, не целясь, пальнул от бедра, кинулся было к автомобилю, понял, что не успеет, и благоразумно отскочил на почтительное расстояние.

– Труба! – в последний раз что есть мочи гаркнул Шершень, и в ту же секунду грохнул оглушительный взрыв.

Задок «Ниссана» подбросило вверх, на мгновение он завис, стоя на передних ободах, а затем скрылся в огненном шаре. Шершень зажмурился, чувствуя, как жаром обдало лицо. Из «Чероки» на асфальт проворно прыгнули двое. У одного, того, что был чуть выше ростом, в руках был короткоствольный автомат. Вооружение второго составлял «кольт» тридцать восьмого калибра. Не глядя по сторонам, обладатель «кольта» стремительно двинулся к дому. К «копильне», как охарактеризовал охраняемый объект Труба. Шершень пальнул ему вслед, но промахнулся и витиевато выругался.

– Кол, прикрой меня! – скомандовал он, устремляясь в погоню за ним.

Пистолет в руке подельника несколько раз нутужно кашлянул. Автоматчик выпустил в ответ короткую очередь, но разглядеть мишень за полыхающим «Ниссаном» оказалось затруднительно. Рожок автомата опустел. Стрелок небрежно скинул его себе под ноги и сдернул с пояса запасной. Кол быстро сориентировался в сложившейся ситуации. Ему уже приходилось бывать в точно таком же положении во время службы по контракту в Ливане. Один на один против превосходящего его в огневой мощи противника. Тогда реакция спасла контрактника жизнь. Не подкачала и сегодня. Шагнув на открытое пространство, Кол вскинул руку с пистолетом и три раза подряд спустил курок. Все три пули, как по заказу, прямехонько вонзились автоматчику в грудь. Сменить рожок он так и не успел. Покачнувшись, рухнул лицом вниз и замер. Кол продолжал держать оружие на изготовку. Водительское место внедорожника еще никто не покидал. Следовательно, в салоне находилась как минимум еще одна потенциальная мишень. Кол сделал осторожный шаг вперед, затем еще один и бросил короткий взгляд в сторону дома.

Мужчина с «кольтом», в черной байкеровской «косухе» и перевернутой задом наперед бейсболке точно такого же цвета был уже на крыльце дома. Шершень выскочил из-за угла как черт из табакерки и поймал его на прицел. Мужчина заметил его, быстро пригнулся одновременно с грохнувшим выстрелом и припал на одно колено. Ответный выстрел не заставил себя ждать. Шершень метнулся обратно в укрытие, но ненадолго. Время играло против него. Нельзя было допустить, чтобы противник проник в дом.

Несмазанными петлями скрипнула входная дверь. Он рванул вперед и дважды выстрелил, рискуя сам нарваться на смертоносный заряд. Но дверь открыл не мужчина в байкеровской «косухе», чье внимание рассредоточилось, она отворилась изнутри, и в образовавшемся проеме обозначилась слегка сутуловатая фигура невысокого человека в ярко-желтом защитном комбинезоне и маске-респираторе для работы с химикатами, полностью закрывающей его лицо. Человек в комбинезоне был безоружен. Мужчина в «косухе» дернулся и молниеносно перевел ствол на него. Палец надежно покоился на спусковом крючке. Еще секунда – и на защитном комбинезоне появилось бы ровное, обугленное по краям пулевое отверстие. По лицу мужчины в черной «косухе» было видно, что колебаться он не станет...

Однако Шершень опередил его всего на долю секунды. Верный «глок» дернулся в руке всего один раз, но этого оказалось достаточно. Пуля угодила мужчине в голову. Несколько капель крови брызнули на ярко-желтый комбинезон человека в дверном проеме, но он даже не обратил на этот досадный факт никакого внимания. Спокойно отследил взглядом грузное падение тела убитого, а затем повернул голову в сторону Шершня. Тот опустил «глок» и призывно махнул рукой. Человек в комбинезоне кивнул, спустился с крыльца и приблизился к боевику. Снимать с лица маску-респиратор он не торопился.

– Нужно уходить отсюда, – быстро заговорил Шершень. – Немедленно! Слышите? Кем бы ни были эти раздолбаи, они тут нарисовались не случайно, зуб даю! Или руку на отсечение,

если хотите... Братва приехала с конкретной целью. А значит, могут быть и другие. Типа, «вторая волна атаки». Врубаетесь? То есть вы понимаете меня?

Человек в комбинезоне кивнул.

– Вы один? – спросил Шершень и оглянулся через плечо. Кол медленно приближался к водительской дверце «Чероки», держа оружие перед собой. В двадцати метрах позади него печально догорал остов «Ниссана» с обугленным телом Трубы внутри.

Человек в комбинезоне отрицательно покачал головой, а затем продемонстрировал два оттопыренных пальца. На руках у него были темно-зеленые резиновые перчатки.

– Двое. Я понял, – кивнул Шершень. – Тогда тащите сюда второго, а я пока подгоню машину. Только поживее! Лады? Возможно, через минуту-другую я уже не смогу гарантировать безопасность ни вам, ни вашему корешу.

Человек в комбинезоне развернулся, поднялся на крыльцо и скрылся в доме. За спиной Шершня грохнули два одиночных выстрела кряду. Он вскинул «глок» и резво направился в сторону внедорожника. Кол вышел из-за корпуса автомобиля и показал подельнику оттопыренный большой палец. Из дуэли с водителем «Чероки» он вышел победителем.

– Подгоняй сюда их джип, братишка, – распорядился Шершень. – Будем двигать отсюда.

Кол не заставил себя упрашивать дважды. Бесцеремонно скинув труп водителя «Чероки» на асфальт, он занял место за рулем, сдал немного назад и подкатил прямым ходом к крыльцу дома.

На пороге появились два человека. Оба были в одинаковых ярко-желтых защитных комбинезонах и с масками-респираторами на лицах. Шершень гостеприимно распахнул заднюю дверцу внедорожника:

– Садитесь! Быстро! Отчаливаем...

Компактный столик в отдельной кабинке «Эдельвейса», отгороженной от общего зала тяжелыми портьерами, был накрыт на две персоны, а потому капитан Алябьев, бестолково потоптавшись, занял место за спиной Гурова. Полковник обернулся, оценил ситуацию и самостоятельно придвинул Алябьеву стул. Пожилой мужчина с седыми курчавыми волосами и такой же седой бородкой клинышком придиричливо смерил капитана взглядом.

– А это кто? – коротко поинтересовался он.

– Коллега. Сотрудник нашего отдела. Капитан Алябьев.

– Новенький, что ли?

– Не такой уж и новенький. Просто тебе не приходилось встречаться с ним прежде, Ребро. Нужды не было.

– А теперь, стало быть, возникла? – Владелец «Эдельвейса» Максим Ребров, известный также в определенных кругах под кличкой Ребро, криво усмехнулся. – Впрочем, ладно... Я не люблю перемен и новых людей, господин сыщик, но дело ваше. Если вы доверяете ему, доверюсь и я. – Он призывно взмахнул рукой, и в кабинке, как по мановению волшебной палочки, возник крепко сложенный официант в белоснежной рубашке и бабочке. – Принеси еще один прибор.

– Не стоит, – остановил официанта Гуров. – Без обид, Ребро, но трапезничать мы с тобой не будем. Во всяком случае, не сегодня. У нас времени в обрез.

– Как хотите, как хотите... И даже кофе не попьете?

– Кофе можно, – согласился полковник.

Ребров удовлетворенно кивнул. Официант, почтительно замерев в полупоклоне, ожидал распоряжений, стоя за спиной патрона. На столике между двумя тарелками красовалась пузатая ваза с белыми хризантемами. Владелец «Эдельвейса» подвинул вазу таким образом, чтобы она оказалась аккуратно по центру стола, и разгладил скатерть.

– Принеси две чашки кофе и бутылку коньяка, – распорядился наконец он.

Официант покинул кабинку.

– Цветочки, Ребро? – Гуров откинулся на спинку стула, и Алябьев, бессознательно подражая старшему по званию, сделал то же самое. – Ты вознамерился меня очаровать?

– Да ладно, Лев Иванович! – рассмеялся старый информатор. – Это ж просто для красоты. Для атмосферы.

– А ты становишься сентиментальным, Ребро.

– Старею. В моем возрасте, господин сыщик, начинаешь ценить маленькие радости. Цветочки, птички, бабочки... Скажу вам по секрету, как родному... Я элементарно научился радоваться тому, что просыпаюсь утром. А если при этом еще и ничего нигде не болит – так это и вовсе волшебное ощущение. Впрочем, вы не поймете. Вернее, поймете, когда доживете до моих лет... Старикам надо немного, Лев Иванович. Очень немного. Не то что в былые времена. Но... – Ребров неторопливо разгладил свою клинообразную бородку. – Я так понимаю, вы пришли не о моих маленьких радостях говорить, господа сыщики.

– Правильно думаешь. Информация нам нужна, Ребро.

– От меня? – Старик, казалось, искренне удивился, но Гуров настолько давно и хорошо знал этого человека, что не купился на столь примитивный трюк. – Господи, боже мой, Лев Иванович! Вы меня поражаете! Какая у меня может быть информация? Я давно уже отошел от дел. Ни с кем не вижусь, нигде толком не бываю... Вот этот скромный ресторанчик, – сделал он широкий жест рукой, – это все, что у меня есть. Мой тихий уютный мирок.

Вернулся официант с подносом. Поставил две дымящиеся чашки с кофе перед гостями, а хозяину подал конусообразную рюмку на тонкой ножке. Рядом пристроил бутылку коньяка. Хотел было самолично наполнить рюмку Реброва, но тот отмахнулся, и официант удалился, по-прежнему не обронив ни единого слова.

– Очень тихий и очень уютный, – протянул старик. Налил себе немного коньяку. – Хотите, господа сыщики? Кофе с коньяком весьма тонизирует, знаете ли. К тому же это чертовски вкусно. Плеснуть?

– В столице война, Ребро. – Полковник сделал небольшой глоток и поставил чашку на прежнее место. – Передел сфер влияния. Очень жесткий передел. Почти как в девяностые. Наркодилеры мрут как мухи. Их «бегунки» и того быстрее. Хочешь сказать, что ты в своем тихом и уютном мирке ничего об этом даже и не слышал?

– Ну... Краем уха слышал, – вынужден был признать Ребров. – Самую малость.

– Так поделись с нами этой малостью.

Старик в задумчивости пожевал нижней губу, затем поднял рюмку с коньяком на уровень лица, слегка взболтал содержимое и осторожно, словно это был медленно действующий яд, сделал маленький глоток. Подержал коньяк немного на языке и только после этого проглотил. Глаза цепко уставились на полковника поверх края рюмки. Они блеснули всего на мгновение и тут же потухли, но Гуров узнал этот блеск. Ему не раз приходилось видеть его прежде.

– Вы когда-нибудь разводили кур, Лев Иванович? – Вопрос был риторическим, и Ребров даже не стал дожидаться, что полковник как-то на него отреагирует. – Я разводил. Давно еще. Задолго до того, как открыл «Эдельвейс». Кажется, после второй отсидки... На некоторое время я бросил все и уехал в деревню. Я ведь сам – деревенский, если вы помните... У меня там тетка осталась. Единственная из всей родни. Остальные-то померли давно... Вот я к ней и подался. Думал, завяжу с торговлей «герычем», осяду в родной деревушке и заживу тихо-мирно... – Он помолчал немного и сделал еще один маленький глоток коньяка. Затем бросил взгляд на круглые настенные часы и продолжил: – У меня было больше сорока кур, Лев Иванович. Верите?

Гуров молчал, не сводя глаз с информатора, забыв о кофе. Алябьев слегка поерзал на стуле. Он тоже вынужден был ждать, совершенно не понимая, к чему старик завел эту беседу про кур.

– Больше сорока... Да... – улыбнулся Ребров. – Я тогда здорово загнался по этой теме... Каждый день свежие яйца с ярким, как солнце, желтком. Очень красиво. И вкусно... А если мне хотелось курятинки, я брал топор, сносил башку одной из этих тварей и имел к вечеру очень сытный ужин. Курочка, отварная картошечка, зелень со своего огорода... – Он блаженно закатил глаза. – Хорошие были деньки, господа сыщики, скажу я вам. А куры... Это самые глупые создания во вселенной. Я каждый раз, когда шел к ним с топором, задумывался об этом. Они бегают, клюют че-то там, воруют друг у друга червячков... И даже не догадываются, что их судьба уже предрешена. Мною предрешена... По сути, они все были мертвы. Все сорок штук. Исполнение приговора – вопрос времени... А они об этом и не знают... Смешно, да? Мне и сейчас смешно, Лев Иванович, когда я думаю о тех, кто противостоит Блеклому. Гремлин, Богдан, все их прихвостни... И даже Святой. Они, как те мои куры, господа сыщики. Бегают, суется... И не знают, что они уже мертвы. Им уже отрубили головы...

– Блеклый настолько силен? – Гуров потянулся к чашке с кофе.

– А вы сами еще этого не поняли, Лев Иванович? Сила Блеклого – в его неуязвимости. Вот вы, когда допьете кофе и покинете «Эдельвейс», поезжайте к себе в контору, зайдите в архив, пошебуршите там, и я уверен, что какую-никакую информацию на Богдана, Гремлина, Святого и так далее вы все равно нароете. Может, взять их на основе этой информации вы не сможете, но она есть, эта информация... А на Блеклого нет. Никакой. Хоть вверх дном свой архив переверните. Ничего не надыбаете. То же самое и с информаторами. Обтрясете их всех как груши, а результата не будет. Никто ничего не видел, никто ничего не слышал. Никто не знает, кто такой Блеклый. И концов к нему нет. Его вообще нет... И в то же время он везде. Его невидимые щупальца во всех структурах, Лев Иванович. Он знает о своих потенциальных противниках все, а они о нем – ничего. Потому он всегда на шаг впереди будет. И впереди вас, и впереди конкурентов.

– Неуязвимых людей не существует, Ребро, – спокойно парировал Гуров. – И ты знаешь об этом не хуже меня.

– Знаю. Вы помните, как первый раз арестовывали меня, Лев Иванович?

– Помню, – подался вперед полковник.

– Я глупый тогда был и совсем неопытный, – грустно улыбнулся информатор. – А считал себя таким ловкачом! Подумать только... Да... И тот подельник, с которым вы меня взяли, он тоже считал себя ловкачом. Но он, как и я, был глупый и неопытный. Хотя в итоге оказался умнее меня. Он ведь больше не попадался. А я еще много-много раз... А знаете, почему?

– Почему?

– Потому что теоретически он завязал.

– Что значит «теоретически»? – уточнил Гуров.

Ребров плеснул себе еще полрюмки коньяка и решительно отставил бутылку в сторону. Маленьких радостей для сегодняшнего утра ему было предостаточно.

– Он не торговал больше. Никогда. Но остался в теме. Его скромный бизнес строился на том, что за очень небольшой процент он сводил тех, кто торгует, и тех, кто покупает. Две стороны одной медали вроде бы, а найти друг друга им не так-то просто, как кажется. А он помогал. Просто знакомил, и ничего больше. Понимаете, к чему я? Нет? – Улыбка старика стала чуть шире. – Я поясню, господа сыщики. Мне нетрудно. Вам не кажется странным, что Блеклый, или кто-то там из его людей, очень легко выходит на нужных дилеров и нужные точки? Словно идет по списку? А? Но ведь список ему не с неба упал... У того моего старого подельника, Лев Иванович, такой списочек имелся.

– Садись! – властно приказал Марафонец и залпом осушил полстакана виски.

– Садиться не буду, – хмыкнул в ответ Шершень, – а вот присесть – присяду.

– Я сказал, садись, умник! – Тяжелая ладонь припечаталась к столу. – И засунь себе свой тупой уркаганский юмор знаешь куда? Я тебя позвал не в шарады играть. Сядь на диван и завали хлебало! Понял?

Марафонец бездумно покрутил на среднем пальце правой руки массивную золотую печатку с изображением двуглавого орла. Стянул ее с пальца, затем надел снова. Плеснул себе в стакан новую порцию виски.

Шершень молча подчинился, расположившись на низеньком кожаном диванчике вдоль длинной стены. Над его головой висела большая картина с изображением какой-то батальной битвы времен Отечественной войны двенадцатого года. Скорее всего, Бородинской. Но Шершень не успел оценить шедевр живописи в полном объеме. Его хмурый взгляд остановился на широкоплечей фигуре Марафонца. С номинальным главой службы безопасности Блеклого он встречался впервые. До этого момента их пути ни разу не пересекались. Все указания для бригады Шершня тот передавал строго по телефону. А тут вдруг такая честь... Сам позвал.

– Как, по-твоему, умник, чем я тут занимаюсь? – не поморщившись, пригубил виски Марафонец.

Шершень ничего не ответил.

– Я задал тебе вопрос!

– А до этого мне было сказано «завалить хлебало», что я, типа, и сделал...

– Опять умничаешь, сучонок!

– Я просто жду указаний, – равнодушно пожал плечами Шершень.

– Я спросил, чем я тут, мать твою, по-твоему, занимаюсь! Как думаешь, умник?

– Ну... – Шершень слегка переменял позу. Агрессивный настрой Марафонца заметно сбил его с толку. И главное, он не мог понять, с чем эта агрессия связана и почему направлена именно против него. – Это же, типа, охранный предприятие... ЧОП... Да? Значит, контора предоставляет различные услуги по охране... Формально как бы «крышует»... Или...

– Чем занимаюсь тут лично я? – Марафонец снова снял с пальца печатку. Снова надел. Снял. Надел. Шершень пристально наблюдал за этими машинальными движениями.

– Осуществление руководства, я полагаю...

– А вот хрен ты угадал, умник! – Марафонец резко поднялся на ноги и уперся двумя кулаками в стол. Шершень хотел было тоже встать, но в последний момент передумал. – Нет никакого долбаного руководства! И нет никакого его осуществления. Понял? Я сижу тут, как сраная обделавшаяся мартышка, и перебираю бумажки. Перебираю бумажки! Понял? С утра до вечера, мать их! Сижу и перебираю... А еще время от времени мне звонит какой-то угод из бывших штабных «крыс», выдает указания, и я, как попка-дурак, передаю их дальше. Тебе и тебе подобным засранцам. Вот чем я тут занимаюсь, как глава СБ при Блеклом! А теперь скажи мне, умник... Как, по-твоему, я об этом мечтал? Ради этого прошел две военные кампании? Побывал в стольких горячих точках, сколько у тебя твоих вонючих пальцев на твоих обеих поганых руках не наберется? Чтобы сидеть тут и перебирать долбаные бумажки?

– Наверное, нет.

– Вот и я думаю, что не для этого. – Марафонец опустил обратно в кресло, снова хлебнул виски. – Но я сижу, перебираю и каждый сраный день надеюсь на то, что рано или поздно на меня обратят внимание. Заметят меня... И предложат стоящую работу. Я все еще продолжаю надеяться. Понимаешь меня, умник? Но Блеклому плевать на мои надежды! Как и тому угодку из штабных «крыс»!.. – Он помолчал пару секунд. – А тут появляешься ты! Весь такой в белом, мать твою! На сраном белом коне! И моментально становишься в глазах Блеклого фигурой более значимой, чем я.

– Эй, послушайте! – Шершень рискнул прервать тираду босса. – Я че-то не вкуриваю, о чем базар вообще?

– Не вкуриваешь? – хищно прищурился Марафонец. – Хочешь сказать, что это не ты спас жизнь Блеклому?

– Когда?

– Вчера. Вчера, мать твою! Или у тебя такая короткая память, придурок?

– Так это все-таки был он? Блеклый? – На губах Шершня появилась легкая улыбка. – Тот человек в желтом комбинезоне? Да?

– Конечно, он. – Марафонец окончательно сдернул с пальца печатку и небрежно швырнул ее на стол. Рука потянулась к верхнему ящику стола, и Шершень сразу напрягся, ведь его верный «глок» отобрали на входе в здание. – Ты совсем debil, что ли? Сам не догадался?

– Я предположил... Но не был уверен на сто процентов...

Рука Марафонца снова появилась над столом. Между двумя пальцами был небрежно зажат конверт из темно-коричневой бумаги. Начальник службы безопасности Блеклого задумчиво помахал им в воздухе пару секунд, а потом, как показалось Шершню, брезгливо бросил на стол. Налил себе виски. На собеседника Марафонец уже не смотрел. Развернулся вполоборота вместе с креслом и уставился за окно.

– Забирай, – глухо произнес он.

– Что это?

– Твой вонючий билет в светлое будущее, мать твою. Билет, которого столь вожаделенно ждал я, но так и не дождался. Некоторым везет по-крупному. Да, умник? А некоторым не везет вовсе... Блеклый по достоинству оценил то, что ты для него сделал, и теперь ты... Как бы это сказать?.. Избранный, что ли... – Глаза Марафонца потухли, а речь сделалась куда менее эмоциональной. – Если не растеряешься, парень, – далеко пойдешь. Блеклый никогда ничего не забывает. В этом весь он, как я слышал... Так что забирай этот вшивый конверт и вали отсюда!

Шершень поднялся с дивана, сделал несколько неторопливых шагов в сторону стола и забрал конверт. Марафонец по-прежнему смотрел в окно. Он выглядел крайне подавленным, но подчиненный не испытал по отношению к нему ни капли жалости. Молча вскрыл конверт и заглянул внутрь. Лист бумаги с печатным текстом и фотография.

– Это заказ на ликвидацию? – на всякий случай уточнил он.

– Нет, мать твою, это любовное послание. Конечно, заказ, придурок! Блеклый не любит у кого-то слишком долго оставаться в долгу. Людей, которые пытались убить его вчера, послал Святой. Блеклый намерен вернуть ему должок. И сделаешь это ты. Так он решил. Как говорится, раз уж начал, так и заканчивай. На снимке – Святой, если ты сам не допетрил до этого, умник. На листке – вся информация, которую удалось на него нарыть. Места, где он любит бывать, люди, с которыми часто встречается... Я лично занимался этим вопросом. Я ведь тут для того и сижу, чтобы перебирать и составлять сраные бумажки... Когда ознакомишься, сожги все. В том числе и фото. Где и как ликвидировать Святого, решишь сам. И вали уже наконец отсюда, меня от тебя тошнит, умник!

Шершень спрятал конверт во внутренний карман куртки и спросил:

– А сроки исполнения?

– Вчера. Не будь debilом! Чем скорее, тем лучше. Или ты даже таких простых истин понять не в силах? Первое покушение на Блеклого обернулось для Святого неудачей. Второе не заставит себя ждать. Надо сработать на опережение.

– Лады. Я понял, босс.

– Иди к черту! – поморщился Марафонец.

Шершень не стал спорить. Развернувшись и не оглядываясь, он вышел из кабинета главы службы безопасности Блеклого. На губах его играла победоносная улыбка.

Легкий моросящий дождик заставил Гурова приподнять воротник пальто и зябко поежиться. Температура тела под тридцать восемь градусов, систематически преследовавшая полковника на протяжении последних двух дней, наконец спала до нормы, но все прочие симптомы простуды, хоть и в легкой форме, никуда не делись. Он достал из кармана платок и высморкался. Бросил короткий взгляд в сторону начала аллеи, затем сверился с наручными часами. До назначенной встречи оставалось чуть меньше пяти минут.

Сквер в это время года выглядел пустынным и заброшенным. Прохожие редко забредали в столь отдаленный уголок столицы. Мимо Гурова, пошатываясь и громко икая, медленно «проплыл» изрядно подвыпивший паренек лет семнадцати, бережно прижимая к груди початую бутылку водки. На мгновение он остановился, хотел было приблизиться к сидящему на скамейке сыщику, но передумал и, небрежно махнув рукой, поплелся дальше.

В десяти метрах позади парнишки, припадая на левую ногу и помогая себе при ходьбе пошарпанным бадиком с резиновым набалдашником на конце, ковылял старый цыган с седой косматой бородой и низко надвинутой на лоб кепке с широким козырьком. Из-под расстегнутой куртки старика виднелась поношенная тельняшка. В левом ухе красовалась огромная серьга. Цыган остановился, прикурил сигарету, закашлялся, пуская дым через ноздри, а затем разместился на скамейке справа от Гурова. Полковник повернул голову, намереваясь попросить седобородого старца оставить его в одиночестве, но тот заговорил первым:

– Здорово, сыскарь!

На пару секунд Гуров даже опешил, после чего на его губах проступила невольная улыбка, которую он моментально подавил строгим выражением лица.

– Твою дивизию! Ну, что за маскарад опять?

– Конспирация, конспирация, – протянул старик, пуская перед собой густые клубы дыма. – А что тебе не нравится?

– От тебя воняет навозом, – повел носом полковник. – Ты в курсе?

– Конечно. Это тоже часть образа. Я люблю достоверность. От цыгана должно пахнуть навозом.

– Кто тебе сказал такую глупость? – еще больше нахмурился Гуров.

– Слушай, сыскарь... Давай по делу. Вы вышли на Даниила?

– Нет.

– Взяли его брата?

– Тоже нет, – раздосадованно поморщился полковник. – Парнишка как сквозь землю провалился.

– Это плохо. – Человек в образе старого цыгана пыхнул сигаретой. Пристроил бадик к краю скамейки. Вытянул ноги. – Очень плохо. Скорее всего, его уже нет в живых. И ты знаешь, о чем это говорит?

– О том, что Даниила предупредили, – вынужден был признать Гуров.

– Верно, – согласился собеседник. – А значит, среди твоих людей завелась «крыса». Сколько человек принимало участие в поисках парнишки?

– Около десяти-пятнадцати оперативников.

Цыган прищелкнул языком. Вынул изо рта сигарету и уставился на тлеющий кончик. Гуров высморкался.

– Проверь каждого, сыскарь. Один из них – определенно человек Блеклого.

– Уже занимаюсь этим.

– Славно. Но у меня есть для тебя кое-что еще. Ниточка слабая, но потянуть за нее прямо сейчас стоит. Так сказать, по горячим следам...

– Что за ниточка? – вскинулся Лев.

– О четырех трупах на Старокаменской наверняка уже слышал? – Старый цыган снова пристроил сигарету во рту и, не дожидаясь ответа на поставленный вопрос, продолжил: – Один

из убитых – некто Колос. Один из самых доверенных и преданных дилеров Гремлина. Он не пошел на сделку с людьми Блеклого, и его грохнули. Работала на Старокаменской бригада Власа. Я тебе уже говорил о них, если помнишь.

– Помню. Только что это мне дает? Помнится, ты так же говорил, что накрывать бригады застрельщиков можно, но бесперспективно. Через них ни на кого не выйдешь, каждая ветвь – тупиковая.

– Я помню, что говорил. Только случай на Старокаменской – особый. До меня дошли слухи, что в последнее время Блеклый не очень-то жалуется Марафонца. Не то чтобы он ему не доверяет... Нет. Но там натянутые отношения. Не исключено, что в скором времени место Марафонца в иерархии Блеклого займет другой человек...

– Кто?

– Шершень. Но речь сейчас не о нем. Я хотел сообщить тебе, что бригада Власа работала на Старокаменской не по указке Марафонца. Влас получил наводку от другого человека. Рангом повыше... И получил ее напрямую. Понимаешь, о чем я, сыскарь?

– С Власом общался кто-то из доверенных людей Блеклого? Из его ближайшего окружения?

– А ты догадливый, начальник, – усмехнулся «цыган». – Быстро соображаешь. Если будешь и дальше так быстро соображать, глядишь, в скором времени дослужишься до генерала.

– Хорошо паясничать, – мрачно откликнулся Гуров. – Кто этот человек?

– Я не знаю, – пожал плечами старик. – Но, думаю, Влас знает, раз он общался с ним напрямую. Поговори с Власом, сыскарь. – Он сунул руку в карман куртки и протянул полковнику сложенный пополам блокнотный лист: – Это адресок того места, где его можно отыскать. Власа... Дальше уж действуй сам, полковник Гуров. А мне пора. Будем на связи. – Он тяжело поднялся со скамейки, собираясь уходить, но Гуров довольно требовательно ухватил его за локоть:

– Постой! Есть еще кое-что... Один щепетильный момент, в котором мне может понадобиться твоя помощь... Одна птичка принесла на хвосте интересную информацию к размышлению. Есть вероятность, что Блеклый не случайно выбирает дилеров из числа конкурентов. У него имеется вполне определенный список.

Информатор удивленно изогнул наклеенную седую бровь и задумчиво изрек:

– О списке я ничего не слышал. Но, может быть, ты и прав. Я постараюсь прощупать эту тему. Что-то еще, сыскарь? Или уже отпустишь мою руку?

Гуров отпустил и, посмотрев на «цыгана», усмехнулся:

– Да. Еще будь добр, не приходи на следующую встречу в костюме человека-паука.

– Я постараюсь.

– Это хата его шмары. – Шершень по привычке обернулся назад, но запоздало вспомнил, что, кроме сидящего за рулем Кола, в салоне автомобиля никого больше нет. Никто не хрустел чипсами на заднем сиденье, никто не потягивал пиво из бутылки, никто не уминал хот-дог или шаурму. Подельника, тупо говорящего о себе самом в третьем лице, что частенько раздражало, больше не было. – По сути, у него их три...

– Три? – хохотнул Кол. – А нехило, да? Я вроде еще считаю себя бойцом в самом расцвете сил, но при этом троих одновременно по-любас бы не потянул. А Святой, значит, тянет? Типа, половой гигант? А, Шершень?

– Да не комплексуй, брат. Зуб даю, что все его три лярвы кувыркаются с ним чисто за «бабки». Святой башляет, вот они и подмахивают... Схемка-то простая. И известная... Но, согласно записям Марафонца, эта телка, – кивнул Шершень в сторону высотной многоэтажки, – у Святого на особом положении. Как там в фильме говорилось?.. «Тут у него лежище!» Зовут ее Елизавета...

– Красиво. Как императрицу.

– Ага. Святой приезжает к ней по графику. Опять же, если верить информации Марафонца... Аж четыре раза в неделю. Понедельник, среда, суббота и воскресенье. Жутко пунктуальный чел. Нарушить привычное расписание – для него смерти подобно... Сегодня суббота, так что он подкатит к половине восьмого, то есть через одиннадцать минут, и останется до утра. Личная охрана из двух человек будет дежурить снаружи. Святой наивно полагает, что о Елизавете никто не знает...

– Святая простота, – скаламбурил Кол и снова хохотнул. – Как действуем, брат? Валим сначала «наружку», а потом...

– Нет, – категорически отменил данное предложение Шершень. – У меня заказ только на Святого. Лишних «жмуриков» себе на шею вешать я не намерен. Отработаем клиента и потихому свалим.

– А телка?

– И телку не тронем.

– Оставим свидетеля? – обеспокоился Кол. – Не слишком ли рискованно? Мне понятен твой гуманизм, брат, но...

– Остынь! Ладно? Я все продумал. Во-первых, мы оба будем в масках, а во-вторых, для того я и взял с собой подельника. Тебя, то бишь. На мне – клиент, на тебе – телка...

– В каком смысле?

– В самом прямом, брат. В самом прямом. Огреешь ее по кумполу, и пусть отдыхает. Только не переборщи. Аккуратно так... Чтоб сознание из нее вылетело, но осталась живой. Сумеешь?

– Мне случалось проделывать такие штуковины. Так что, думаю, да.

– Вот и отлично!

Шершень расстегнул куртку и вытащил небольшой бумажный сверток. Развернув его, бросил на колени напарнику черную спецназовскую маску с прорезями для глаз и рта. Вторую, точно такую же, сунул в боковой карман собственной кожанки. Затем проверил наличие «глока» на привычном месте, за брючным ремнем, и, выбираясь из салона, проинструктировал напарника: – Наденем маски уже возле квартиры. Пошли! В нашем распоряжении осталось четыре минуты. Не будем затягивать.

Кол не заставил себя ждать. Он снял с головы бейсболку «Найк», небрежно сунул ее за пазуху, и оба боевика, оставив «Шкоду» на противоположной стороне улицы, быстрым спортивным шагом двинулись к нужному подъезду. Лифт поджидал их на первом этаже. Шершень пропустил подельника вперед, зашел следом и указательным пальцем утопил металлическую кнопку с цифрой «шесть». Кабина плавно поползла вверх. В правой руке Шершня появился пистолет. Он споро накрутил на него глушитель и завел руку за спину. Кол тоже вооружился. Его наручные часы показывали семь часов двадцать восемь минут. Окаменевшее лицо не выражало никаких эмоций.

Лифт остановился, и дверцы разъехались, выпуская пассажиров наружу. Лестничная площадка была пуста. Незванные визитеры дружно натянули на лица черные вязаные маски.

– Только под глазок не вставай, – предупредил Шершень.

– Кого ты учишь, братишка? – глухо откликнулся Кол. – Не пальцем деланный, в натуре.

Шершень понимающе хмыкнул в ответ, приблизился к двери, ткнул пальцем в кнопку электрического звонка и сместился влево. Кол занял позицию с противоположной стороны. Из квартиры донеслись приближающиеся легкие шаги.

– Пончик, ты? – осведомился низкий женский голос с налетом ленцы, после чего, не дожидаясь ответа, хозяйка квартиры повернула ключ в замке. У нее не было ни тени сомнений относительно того, кто пожаловал к ней в этот час. – Надеюсь, ты сделал выводы после нашей последней встречи, и твоя рубашка...

Какие там были пожелания касательно рубашки Святого, ни Шершня, ни его поделнику узнать было не суждено. Дверь отворилась, и свет изнутри квартиры осветил выющиеся рыжеватые волосы стройной длинноногой девушки, облаченной в синюю джинсовую мини-юбку и белоснежную блузку с широко распахнутым воротом. Взгляд Кола на мгновение сфокусировался на выпирающим из выреза аппетитном бюсте. Глаза девушки то ли испуганно, то ли удивленно округлились, после чего Кол стремительно приблизился к ней, и его правая рука в черной перчатке запечатала жертве рот. Он буквально силой втолкнул рыжеволосую красотку внутрь, развернул к себе спиной и ударил рукояткой пистолета по темечку. Длинные пушистые ресницы дрогнули, карие глаза закатились, и девушка без чувств повисла на руках незваного гостя. Кол не позволил ей брякнуться на пол.

Шершень переступил порог и мягко закрыл за собой дверь. Щелкнул замок.

– Жива? – коротко поинтересовался он.

– Живехонька. Не хипишуй, брат.

– Тащи ее в ванную.

Стрелки наручных часов Шершня замерли на отметке «семь часов двадцать девять минут». Верный своей пунктуальности Святой должен был уже подниматься в лифте. Шершень был уверен, что так оно и было. Он погасил свет в прихожей, взял стул и расположился на нем лицом к двери. Кол с телом девушки скрылся в недрах квартиры. Через мгновение до слуха Шершня донесся звук льющейся воды. Он положил «глок» на правое колено и направил дуло прямо на дверь.

Ровно в половине восьмого электрический звонок ожил. Тренькнул три раза, с интервалом в две секунды, и смолк. Шершень не пошевелился. Указательный палец любовно обнял спусковой крючок «глока». Через полминуты условный троекратный звонок повторился. И вновь тишина. С противоположной стороны двери звякнула связка ключей. Нужный ключ скользнул в замочную скважину, дважды провернулся вокруг собственной оси, и дверь бесшумно отворилась. Святой переступил порог квартиры. Он был один. Если в его голову первоначально и закрались какие-то подозрения, то шум льющейся воды в ванной комнате моментально развеял их. Он что-то сладко промурлыкал себе под нос, заставив Шершня иронично скривить губы в улыбке.

Рука Святого потянулась влево, нащупала выключатель, и вспыхнувший свет выхватил из мрака фигуру спокойно сидящего на стуле человека. В ту же секунду Шершень без колебаний спустил курок. Легкий хлопок, и пуля, вырвавшись на свободу, как засидевшийся в гнезде птенец-переросток, «клюнула» Святого в правую скулу. Крови почти не было, не считая двух серо-бурых капель, упавших на остроугольный воротник пальто легендарного столичного авторитета. Святой тяжело привалился к дверному косяку, после чего плавно осел на пол. Его смерть была быстрой и безболезненной.

Шершень поднялся со стула, скрутил с «глока» глушитель и сунул оружие за брючный ремень. Приблизился к жертве, склонился и на всякий случай проверил наличие пульса на шее. Сомнений не оставалось – клиент был мертв.

– Кол! – негромко окликнул он напарника.

Шум воды смолк. Поделник выплыл из полумрака.

– Все?

– Да. Как телка?

– Да чего ты о ней так печешься? – хохотнул Кол, поблескивая глазами из прорезей вязаной маски. – У тебя на нее какие-то виды, братишка?

– Я уже сказал, что не хочу лишних жертв, – жестко отчеканил Шершень. – Это ни к чему. И я задал тебе вопрос.

– С ней все в порядке, через пару часов оклемается. Ты доволен?

– Вполне.

– Как будем выбираться?

– Через крышу. – Шершень стянул с головы маску. Его взъерошенные посеребренные сединой волосы были слегка влажными. Кол последовал примеру напарника. – Я уже снял замки в этом подъезде и в крайнем слева. Выходим спокойно, без шумера, и тихо сваливаем. Охрана Святого не чухнется раньше чем через три-четыре часа.

Он пропустил напарника вперед, вышел на лестничную площадку следом за ним и захлопнул дверь.

По адресу, полученному от информатора, располагался небольшой одноэтажный домик с зеленой конусообразной крышей и просторной верандой, вход на которую был оформлен в виде трех арочных перекрытий разной величины. В левом углу веранды сиротливо притулился старенький покосившийся столик на алюминиевых ножках. Даже от калитки, расположенной в двадцати метрах от веранды, можно было заметить вековую пыль и засохшие следы от плевков на его потрескавшейся деревянной поверхности. По центру стола красовался граненый стакан, давно лишенный своей природной прозрачности.

Гуров окинул взглядом прилегающую к дому территорию.

– Ощущение заброшенности, Лев Иванович, – подал голос Поликарпов, – вы не находите? Кто вам сказал, что Влас тут?

В правой руке майор для верности сжимал табельное оружие. Гуров позволил себе лишь расстегнуть три верхних пуговицы пальто, вполне достаточно для того, чтобы выхватить пистолет из наплечной кобуры в случае необходимости. Большого полковнику и не требовалось.

Два темных круглых фасадных окна походили на глазницы мертвеца.

Лев ухватился за ручку калитки и легонько потянул ее на себя. Створка со скрипом поддалась. Поликарпов вскинул дуло пистолета.

– Либо тут никого нет, – сказал он, заступая на территорию следом за полковником, – либо они откровенно зашухарились. Третьего не дано, Лев Иванович. И я лично склоняюсь к первому варианту. То есть, проще говоря, мы с вами в очередной раз тащим «пустышку». И это чертовски обидно.

– Хватит разглагольствовать, Дим, – недовольно откликнулся Гуров. – Проверь баню, а я проверю дом.

– А чего ее проверять? Нет там никого. Там на трубе паутина. Я ее даже отсюда вижу. А если в бане на трубе паутина, значит...

– Проверь, – твердо повторил Лев, а сам направился в сторону домика с конусообразной крышей.

Поднялся на веранду. Остановился возле входной двери и опустил взгляд. На коврике у порога имелись свежие комья грязи, слетевшие с чьих-то ботинок. Если в настоящий момент в доме никого не было, то кто-то определенно наведывался сюда не позднее сегодняшнего утра. Он машинально расстегнул еще одну пуговицу пальто и повернул ручку двери. Запорный механизм не поддался. Дверь была заперта на ключ. Сыщик спустился с веранды и приблизился к ближайшему низко расположенному окну. Достал пистолет, обмотал рукоятку носовым платком и коротко, без замаха, ударил по стеклу. Крупные рваные осколки осыпались ему под ноги. Легко подтянувшись, он взобрался на узенький косой подоконник, ухватился рукой за раму и спрыгнул в образовавшийся проем. Подошвы ботинок коснулись деревянного скрипучего пола. Гуров замер и прислушался. В доме царила мертвая тишина. Поликарпов оказался прав, здесь не было ни единой живой души.

Однако для очистки совести Лев, не включая свет, прошелся по дому. Две жилых комнаты, малогабаритная кухонька, замызганный санузел с потрескавшейся местами плиткой на полу, запертая на ключ дверь в гараж, располагавшийся с левой торцевой части здания...

– Лев Иванович! – раздался за окном шепот Поликарпова. – Вы тут?

– Тут, Дима, тут. Где мне еще быть?

– И что там? Ничего?

– Ничего и никого, – разочарованно протянул Гуров. – Чисто.

– В бане тоже чисто, Лев Иванович. Впрочем, как я вам с самого начала и сказал. Паутина на трубе в бане – верный признак.

– Но люди тут были, причем совсем недавно. Сегодня.

– Организуем засаду? – предложил майор. – В расчете на то, что в скором времени они вернутся?

Гуров не успел ответить. С трассы свернул автомобиль и, чуть переваливаясь на ухабах, покотил в их сторону.

– Внутрь! Живо! – скомандовал Гуров.

Но Поликарпов то ли растерялся от неожиданности, то ли элементарно замешкался... Так или иначе, он не последовал этому совету. Вместо того чтобы перемахнуть через подоконник и оказаться в помещении рядом с Гуровым, он присел на корточки, рассчитывая, что низкорослый ивовый кустарник скроет его широкоплечую фигуру.

Машина остановилась у калитки. Гуров, чуть сместившись влево, из своего укрытия видел, как из салона выбрались двое. Скрипнули несмазанные петли калитки. Плавно подняв руку на уровень плеча, Лев поймал на прицел одного из вновь прибывших – высокого мужчину в черном кашемировом пальто и в точно такой же черной кепке.

– Смотаемся сегодня в «Лагуну»? – Голос второго, полноватого блондина без головного убора, звучал несколько простуженно. – Ближе к полуночи. Или можно даже в районе одиннадцати. Колян сказал, там застолбились вчера две новые сочные официантки... Хотелось бы взглянуть. Как минимум... А там, глядишь, и перспективка какая нарисуетя!.. А че? За спрос не бьют в нос. Верняк, Влас?

Поликарпов переместил центр тяжести тела, и под его правой ногой предательски хрустнула сухая ветка. Высокий в кашемировом пальто, которого подельник назвал Власом, среагировал молниеносно.

– Шухер! – гаркнул он и затравленным кроликом метнулся в сторону.

Любитель сочных официанток остался на открытом пространстве в гордом одиночестве. Его лицо перекошилось от страха. Он ошалело завертел головой, выхватил из-под куртки ствол и дважды пальнул наугад в сторону крыльца. Поликарпов, не раздумывая, ответил одиночным прицельным выстрелом. Блондин сложился пополам, захрипел, а затем рухнул лицом вниз. Влас рванулся вдоль металлического ограждения и занял оборонительную позицию за двумя пустыми металлическими бочками. Поликарпов пустил две пули ему вслед, но промахнулся. Гуров пальнул напарнику в унисон, исключительно для острастки. Путь к отступлению для Власа был отрезан.

Автомобиль за калиткой, взвизгнув шинами, сорвался с места, проехал немного вперед и тяжело развернулся поперек подъездной дорожки.

– Дима, за ним! – громогласно распорядился полковник. – Я прикрою! Взять лучше живым!

– Понял, Лев Иванович!

Поликарпов сорвался с места, как выпущенная из арбалета стрела. За считанные доли секунды он оказался возле калитки, толкнул ее ногой и, кувыркнувшись через голову, оказался за пределами территории. Влас высунулся было из своего укрытия, но Гуров, открыв огонь, прикрыл напарника и заставил бандита вновь ретироваться. Выбив остатки осколков из рамы носком ботинка, Лев спрыгнул на землю. Желание взять Власа живым одержало верх над чувством самосохранения.

Автомобиль боевиков Блеклого уже успел развернуться и стремительно взял курс на основную магистраль. Поликарпов прыгнул за руль служебной машины. Повернул ключ в замке зажигания и до упора вдавил в пол педаль акселератора. Натужно взревел мотор.

Гуров дважды выстрелил, не столько намереваясь поразить цель, сколько для остротки, и уже через секунду оказался рядом с двумя пузатыми металлическими бочками. Ударил ногой по крайней. Влас отшатнулся к ограде. Вскинул руку с оружием, но полковник помешал ему спустить курок. Очередной взмах ноги, и крайне болезненный удар пришелся по кисти, пистолет выскользнул из пальцев, подлетел вверх, а затем упал на землю. Влас быстро сориентировался в ситуации. Нагибаться за оружием он не стал, вместо этого тараном кинулся на вооруженного сыщика. Провел, как в регби, средний захват и, опрокинув Гурова на спину, подмял его под себя. Дуло пистолета ткнулось Власу под ребра.

– Назад! – властно проговорил полковник.

Но тот не подчинился. То ли понял, что Гуров не собирается стрелять на поражение, то ли его охватило безрассудное отчаяние... Так или иначе, Влас распрямился, удерживая сыщика коленями, и с размаху врезал ему по лицу. Из разбитой губы брызнула кровь. Гуров незамедлительно ответил ударом рукояткой в живот. Влас лишь поморщился от боли и тут же снова впечатал кулак в челюсть полковника, замахнулся в третий раз, но Лев успел убрать голову. Кулак, просвистев рядом с ухом, погрузился в рыхлую землю. Ребром ладони Гуров ударил Власа по шее, приподнялся и, толкнув соперника двумя руками в грудь, освободился из захвата. Пружинисто вскочил на ноги. Кровь из разбитой губы тонкой струйкой стекала по подбородку.

– Не двигаться! – вновь взял он Власа на прицел.

– Да пошел ты, сука!

Рука бандита рванулась в сторону, подхватила оброненный пистолет и моментально взвилась вверх. Выстрел грохнул за секунду до того, как Гуров уже готов был спустить курок. Правая сторона лица Власа обагрилась кровью. Он вновь выронил оружие и безжизненно завалялся назад.

Поликарпов опустил пистолет и, плечом толкнув калитку, шагнул на территорию. На губах его играла победоносная улыбка.

– Вы теперь мой должник, Лев Иванович, – произнес он, сдвигая кепку на затылок и смахивая со лба выступившие капли пота. – Я, в смысле, понимаю, что вам очень хотелось взять этого засранца живым... Это нормально... Я и сам был бы не против, но... Дать вам погибнуть и вовсе было бы глупо. Согласитесь?

– А выстрелить ему в руку не догадался?

– Извините... Времени на размышления совсем не было, Лев Иванович. Я действовал по ситуации. Вам угрожала опасность, и я...

– Я бы и сам справился, – холодно откликнулся Гуров. – Что с третьим, майор?

– Ушел, товарищ полковник. К сожалению...

Кирилл стянул с головы тяжелую маску-респиратор, небрежно бросил ее на стол, затем взял из общей кучи самый большой кристалл и, подняв его на уровень глаз, пристально рассмотрел со всех сторон, и счастливо улыбнулся:

– Ништяк! Чистейший «мет»! Как моча младенца.

– Как слеза, – машинально поправил напарника Блеклый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.